

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ВЫЖИВШИЕ

ЛЮСИ КЛАРК

Люси Кларк

Выжившие

Серия «Психологический триллер (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68962608

Люси Кларк. Выжившие: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153647-3

Аннотация

Сестры Лори и Эрин должны были улететь в отпуск мечты на уединенный остров Фиджи.

Но по случайности Эрин не попала на самолет... который так и не долетел до пункта назначения.

Он просто исчез с радаров – и больше о нем никто ничего не слышал.

Вот уже два года Эрин упорно ищет сестру и собирает по крупицам информацию обо всех пассажирах, находившихся на борту.

И однажды случается чудо. Она узнает, что в больнице на Фиджи найден пилот того злополучного рейса и ему осталось жить считанные дни. Но, быть может, он успеет ответить на ее главный вопрос?

Что же случилось с Лори на самом деле и есть ли шанс, что она еще жива?..

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	70
Глава 11	77
Глава 12	86
Глава 13	95
Глава 14	102
Глава 15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Люси Кларк

Выжившие

Lucy Clarke

THE CASTAWAYS

Печатается с разрешения литературных агентств Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

© Lucy Clarke, 2021

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Люси Кларк – известная британская писательница, чей дебютный роман «Виновато море» был переведен на 12 языков и восторженно оценен как критиками, так и читателями.

Шестой роман Люси Кларк, «Выжившие», написан в жанре психологического триллера, стал бестселлером «Sunday Times», сети книжных «Waterstones» и приложения «Apple

* * *

Превосходно написано!

«*Marie Claire*»

Великолепный триллер с быстро развивающимся сюжетом – вы точно захотите дочитать до последней страницы.

«*The Sun*»

* * *

Посвящается Джеймсу, Томми и Дарси

Глава 1

Тогда | ЛОРИ

Лори катила чемодан по галерее аэропорта. Из-за влажности растрепавшиеся волосы прилипли к шее. Она остановилась, выглядывая номер выхода на посадку, затем оглянулась.

Сестра так и не пришла.

Лори достала из кармана телефон и уставилась в безучастный пустой экран. Ни входящих. Ни пропущенных. Сердце подпрыгнуло – через несколько минут начнется посадка.

«Раньше ты была не такая!..» – всплыл в памяти обрывок недавней ссоры.

Лори с силой закусил губу с внутренней стороны и не отпускала, пока не пошла кровь.

Она представила, как взойдет на борт межостровного рейса без Эрин и полетит на отдаленный юго-восточный край архипелага. А ведь самую долгую часть пути – из Лондона до Фиджи – Лори уже одолела. Даже снотворное не понадобилось. Только вчера рядом была сестра, вооруженная книгами, музыкой и закусками. К тому же Эрин страшно заботило, какую выпивку заказать после взлета, и за спорами Лори едва заметила, как самолет оторвался от земли. Вечером по прилете они заселились в отель у пляжа и планировали зака-

зять ужин в номер, а потом немного поспать перед коротким утренним рейсом до выбранного островка.

И вот она здесь, а сестры нет.

Лори покатила чемодан в сторону туалетов. Наклонившись над раковиной, изучила себя в зеркале, провела подушечками пальцев по припухшим векам и темным кругам под глазами.

Прошлой ночью в номере отеля она внимала малейшему шороху в надежде услышать неверные шаги сестры, стук в дверь, неистовый шепот, просьбы впустить ее. Лори представляла, как в стельку пьяная Эрин бормочет какие-то извинения. Может, она ипустила бы сестру, а потом, когда та завалилась бы в кровать, велела бы ей отвернуться и не дышать в свою сторону. Скорее всего, именно так она бы и сделала. А может, лишь приоткрыла бы дверь и прогнала бы Эрин.

Но Эрин не пришла, и Лори так и не узнала, как поступила бы.

Лори достала из дорожной сумки косметичку, чтобы хоть чем-то занять руки. Многочасовые бдения в четырех стенах давали о себе знать. Вот уже несколько месяцев ее бледного лица не касалось солнце. Подумать только, синее небо, теплое море, свежий воздух и хорошая книга! Как же ей не хватало давно заслуженного отпуска!

Хотя, может, зря это все? Лори купила путевку, не раздумывая. Уже который день ее мучила бессонница. Проворо-

чавшись без сна до трех часов, она решила посмотреть кино. Открыла ноутбук и сразу наткнулась на рекламу: десять ночей на малолюдном острове где-то далеко на Фиджи, причем на эти даты выпадал ее день рождения – двадцать восьмой. Она вышла в новом окне на страницу своего интернет-банка с балансом счета: оставалось еще две тысячи фунтов.

«Иди к черту, Пит!» – только и подумала, нажимая кнопку «Забронировать».

С первыми лучами солнца Лори на цыпочках вошла в спальню Эрин и, уютно устроившись на кровати, протянула сестре кружку с дымящимся чаем.

«Я еще сплю», – пробормотала Эрин.

«Вставай, соня! – бодро скомандовала Лори. – Да будет свет! – Она щелкнула выключателем и торжественно сообщила: – Мы летим на Фиджи. В середине января. Ты говорила, у тебя накопился отпуск, так что я купила нам путевки. Все расходы за мой счет».

Эрин подняла голову с подушки и приоткрыла один глаз.

Сестра наверняка думала: «Она же боится летать! Никогда не путешествует. Будет не отпуск, а пытка».

Не дав Эрин опомниться, Лори уверенно продолжила: «Мне просто необходимо куда-то вырваться. Ты единственная, с кем я хочу провести это время. – И, помолчав, добавила: – Вместе».

Пронзительное «вместе» значило для них многое.

Эрин помедлила лишь мгновение.

«Хорошо, едем».

И вот Лори в аэропорту. Одна.

Она застегивает молнию на косметичке, убирает в чемодан и выходит из туалета.

В зале перед выходами на посадку по-прежнему пусто. В очередной раз достав телефон, Лори вертит его в руках, раздумывая. Вообще-то, позвонить должна Эрин, а не она... но так хочется услышать голос сестры, узнать, что с ней все в порядке.

Она набирает номер.

В ожидании ответа Лори замечает пилота в белоснежной форме: темно-синяя фуражка, глаза спрятаны под козырьком.

«Не моего ли самолета?» – мелькает в голове.

Мужчина рассеянно ищет что-то в сумке на колесиках. В нерешительности проводит рукой по щеке; несколько секунд спустя, по-видимому, отчаявшись найти искомое, глубоко вздыхает и, не поднимая взгляда, продолжает путь.

«Это Эрин. Давайте покороче». Голос отрывает Лори от созерцания пилота. Тут же, заставая позвонившего врасплох, звучит гудок голосовой почты.

Лори медлит, молчание тянется, идет запись тишины.

Мысли уносят девушку на двадцать лет назад. Всего неделя, как не стало мамы. Они с Эрин лежат под испещренным звездочками одеялом, согревая теплом дыхания хлопчатобумажную темноту. Лори сжимает ладонь сестры в своей и

шепчет: «Не бойся. Я тебя не брошу».

И где теперь Эрин, когда помощь нужна Лори?..

– Где тебя черти носят? – яростно шипит она в трубку. – Я торчу тут одна в аэропорту!

Глава 2

Теперь | ЭРИН

На площадке перед дверью квартиры крошечная темнота. Лампочка перегорела еще в прошлом месяце, но я так и не удосужилась ее заменить.

Скольжу ладонью по двери в поисках замочной скважины. Промокшая под дождем куртка пахнет кожей. У меня за спиной парень, которого я подцепила в баре. В пивном перегаре тонут легкие ноты лосьона после бритья. Как там его зовут? Марк? Мэтт?

– Могу включить фонарик на телефоне, – услужливо предлагает он, но я уже вставляю ключ в замок – один щелчок, и дверь открыта.

Привычно подхожу к стене, вешаю ключи, стягиваю ботинки.

Попутно оглядывая квартиру, парень проходит вслед за мной на кухню. Оцениваю свой быт его глазами: на радиаторе сушится нижнее белье из разных комплектов; ковровое покрытие пропиталось запахом пережаренной еды; оплывшие свечные огарки тонут в озерах застывшего воска; на подоконнике у приоткрытого окна, в которое виден кусочек неба над каменными джунглями, примостились забытые после завтрака кофейная кружка и миска для хлопьев.

Стаскиваю куртку и вешаю на спинку заваленного книгами стула.

Опьянение рассеивается слишком быстро. Надо бы включить лампу вместо этих встроенных в потолок светильников, безжалостно поливающих нас холодом белого света. Мне кажется, или он тоже не рад, что зашел? Мы познакомились на мероприятии в художественной галерее, которое меня послали освещать по работе. Бесплатная выпивка на голодный желудок. Из галереи мы поехали в бар, потом в еще один. Через пару часов сослуживцы потерялись где-то по дороге, а мы с парнем очутились друг напротив друга в темном углу какого-то клуба. Теперь он почему-то в моей квартире, смотрит в упор и скалится волчьей ухмылкой. До меня доходит – мы наедине, дверь закрыта, нас больше не окружает толпа веселящихся двадцатилетних тусовщиков.

Сестра сейчас сказала бы: «Чем ты думала, Эрин?»

На мгновенье закрываю глаза, погружаюсь в звучание ее голоса...

Попроси его уйти, если не желаешь, чтобы оставался.

– Выпить хочешь? – предлагаю я. Провожу ладонью по своему затылку: короткие волосы щекочат подушечку большого пальца. Парень подходит к длинной кухонной столешнице. Дорожка рассыпанных кукурузных хлопьев ведет от коробки к открытой упаковке обезболивающего и бутылке водки – чем не сказки на ночь для взрослых?

Открываю шкафчик и жестом указываю на многочислен-

ные бутылки и бутылочки, где есть вино и напитки покрепче.

– Выбирай, – предлагаю я.

Он достает бутылку рома, вытаскивает из сушилки два высоких стакана и аккуратно наливает спиртное.

– Кока-кола найдется? Или лайм?

– Ни того, ни другого.

– Хозяюшка, нечего сказать.

Я пожимаю плечами.

Он протягивает стакан, мы чокаемся и выпиваем почти залпом.

Парень наливает еще, и мы, захватив бутылку, идем на диван. Я отодвигаю плед и сажусь.

– Твоя квартирка? – продолжая стоять, спрашивает он.

– Нет, снимаю.

– Одна или с соседями?

– Сейчас одна, – отвечаю я и скольжу взглядом по пустым стенам в поисках единственного их украшения – висящей над диваном картины с изображением реки. Написанная акрилом, синева реки контрастирует с живописной зеленью сада в Бате, где мы с Лори выросли. Она подарила мне эту картину, когда я нашла первую работу и поехала жить в Лондон. На обратной стороне ее рукой написано: «Теперь у тебя есть кусочек дома, куда ты можешь возвращаться из большого города».

Лори нравилось рисовать широкими мазками. Я блуждаю взором по причудливым завиткам акрила, по их выпуклой

текстуре, щедро положенной шпателем на кроны растущих вдоль реки деревьев. Вспоминаю ее светлые, убранные назад волосы и широченную, перемазанную краской футболку Пита. Она вовсе не походила на типичную художницу из богемы: простые джинсы, прилежно зачесанные волосы, на ногтях аккуратный маникюр, брови – волосок к волоску. Лори все успевала, и дела у нее спорились. Творческий гений не был ей в тягость – она им наслаждалась.

Очнувшись от воспоминаний, смотрю на стоящего рядом парня. Он старше, чем показалось сначала, тщательно оформленные бакенбарды и проработанные линии бороды выдают аккуратиста, открытая кожа под челюстью неестественно гладкая. Меня к нему совсем не тянет. Зачем я его впустила?

«Зачем ты его впустила, Эрин?» – вновь вопрошает голос Лори из прошлого.

Зачем? Да затем, что сегодня пятница. Потому что я пьяная. Потому что ненавижу возвращаться домой одна. Достаточно?

Парень расхаживает по комнате, изучая содержимое книжных полок, подходит к камину. В Лондоне во многих квартирах такие: в эдвардианском стиле, с заложенным дымоходом. На бронзовой каминной полке стоит стеклянная ваза с уложенной в нее новогодней гирляндой – идея Лори.

– У тебя день рождения, что ли?

С чего он взял? Проследив за взглядом парня, замечаю

примостившуюся между двумя оплавленными свечками поздравительную открытку со сверкающей блестками цифрой тридцать.

– Да, – проще соврать, чем объяснять.

– Я думал, тебе меньше.

Правильно, умник, потому что мне двадцать семь.

Молча допиваю ром, жар выпивки скользит по горлу. Открываю на телефоне музыкальное приложение, включаю плей-лист с чилл-хопом. Вспомнив, что внизу живет соседка с ребенком, делаю потише. Вчера я помогла ей поднять коляску по ступенькам – лифт опять сломался. Пока мы карабкались, малыш смотрел на меня настороженно, кроша в ручонке кусок кекса. Она чуть не расплакалась, когда благодарила меня за помощь. Наверное, надо зайти к ним, посмотреть, как дела, пригласить к себе, но что-то не хочется.

Парень смотрит на меня как-то странно:

– Что у тебя за прическа?

– Прическа? – я удивленно приподнимаю бровь, касаюсь черных волос. – Называется «андеркат», – я показываю пальцем на выбритый в виде арки над ухом висок.

Людей сбивает с толку, что с другой стороны волосы есть. Не самая модная стрижка, чего уж там. Меня подстригли на учебном занятии для начинающих парикмахеров. Идею стрижки – «Давай сделаем пикси с выбритым виском!» – предложил юный студент со свеженаколотой, еще розовеющей воспалением татуировкой на запястье. Недолго думая,

я согласилась: «А давай!»

Похоже, большинство решений я так и принимаю: «Можно к тебе зайти?» – «А пошли!»

Наверное, мне пошло бы выделять глаза черным карандашом, и брови подчеркнуть не мешает, но как-то лень.

– Ничего так, – сообщает он и делает шаг от камина... кажется, идет к дивану. Так... Нет, проходит дальше по комнате к выходу.

– Мне надо наведаться в одно место.

Наведаться? Так еще говорят?

Ой, он идет не к той двери! Вскрываю с дивана... поздно – парень опускает ладонь на дверную ручку...

– Не туда... – запоздало предупреждаю я, однако дверь в соседнюю комнату уже открыта, щелкает выключатель.

Парень остановился на пороге как вкопанный.

Он стоит спиной ко мне, но я прекрасно понимаю, куда он смотрит: удивленно обзревает стены комнаты.

Давно туда не заходила, однако что внутри, знаю.

– Это еще что? – сипит он.

Очередная композиция в плей-листе еще не зазвучала, и тишина застала нас врасплох. Молчание явно затягивалось, вопрос повис в воздухе, словно занесенный для расправы меч.

– Дверь в ванную там, – довершила я ранее начатую фразу.

– А это что такое?

Стены соседней комнаты закрывают соединенные натянутыми цветными нитями вырезки из газет, карты и фотографии, перемежаемые клейкими стикерами для заметок с написанными от руки вопросами. С фотографий смотрят недвижные глаза незнакомцев, заголовки вопят: «Пропал!», «Самолет бесследно исчез с радаров».

Представляю, что обо мне думает парень. Отлично представляю.

В середине композиции – газетная статья с фотографией небольшого самолета, белую обшивку режут ровно пополам две красные полосы. Ниже – фотографии двух членов экипажа и семи пассажиров.

Я молчу, парень поворачивается и, глядя на меня, спрашивает:

– Тот пропавший самолет?

Я нехотя киваю.

– Ты... это у тебя по работе?

Я хватаюсь за протянутую соломинку и лгу:

– По работе, да.

– Ну да, ты же сказала, журналисткой работаешь. – В голове чувствуется явное облегчение, он уже не выглядит таким настороженным. – А я помню, что писали про тот рейс. Они на Фиджи летели, да? Самолет пропал. Исчез с радаров. Никто его больше не видел. Ни сигналов, ни обломков. Чертовщина какая-то.

Я продолжаю молчать.

– Вроде в прошлом году?

– Два года назад.

Два года и шесть дней.

– Что тогда только ни говорили: самолет захватили террористы, пилот задумал покончить с собой... Ты ведь это самое и расследуешь?

– Угу, – односложно мычу я.

– А ты всегда берешь работу домой? – В голосе парня снова недоверие. – У тебя тут офис или?..

Я довольно долго молчу и наконец выдаю:

– Или.

Похоже, он начинает что-то подозревать. Еще раз оглядывает фотографии, потемневшие на краях газетные вырезки, пожелтевшие прямоугольники липкой ленты, снова поворачивается ко мне. На лице парня написана тщетная попытка уложить в голове все увиденное.

Виной ли тому опьянение или то, что он в принципе пофигист, не знаю, но парень быстро сдается и ныряет за дверь ванной комнаты, щелкнув задвижкой.

Продолжая стоять в коридоре, оглядываю комнату Лори. Я уже несколько месяцев не видела этих стен. В Лондоне мало кто может себе позволить держать комнату пустой, да и мне не по карману, но если я все уберу, значит, я сдалась. Значит, позволю ей уйти...

Давно пора. Я устала. Хватит. В эти выходные все приберу.

Или не все. Для начала приберу на кровати, которая сейчас погребена под грудой книг, статей и листочков.

С деньгами у меня не ахти, стоило сдать комнату несколько месяцев назад, но как подумаю, что придется делить квартиру с кем-то незнакомым! Он или она услышат, как я расхаживаю по квартире в четыре утра, ем в неположенное время, поймут, что у меня нет ни друзей, ни парня.

Слышу, как спускают воду и начинает наполняться бачок. Жду звука льющейся из открытого крана воды, но вместо этого открывается дверь и гость выходит. Немытые руки в карманах, на меня не смотрит.

– Мне рано вставать, так что... – говорю я.

– Да, конечно.

Забирает пальто и, даже не надев, выходит.

– Ну пока, – бросает он напоследок.

Я подхожу к двери и придерживаю, пока он идет по площадке к лестнице. Если закрою, парень окажется в полной темноте.

Да плевать на него.

Закрываю дверь. Щелкаю замком. Вот так.

Беру бутылку рома из комнаты: серебряные кольца на руке звякают о горлышко. Бреду в комнату Лори, убираю в сторону книгу по истории авиакрушений, сажусь на край кровати. Затхлый воздух в давно не проветриваемой комнате прохладнее, чем в других.

– С тридцатилетием! – произношу я, поднося бутылку к

висящей на стене фотографии сестры, и отпиваю.

«А стаканы для кого придуманы?» – сказала бы сейчас она, комично изобразив на лице раздражение.

Улыбаюсь.

Обжигающий ром скользит по горлу. Разглядываю фотографию Лори на стене. В газетах ее окрестили «пассажир номер три». Фотографию взяли из «Инстаграма»¹: выветленные в теплый медово-карамельный оттенок пряди, блеск и улыбка на губах, но не в глазах. Я сидела рядом, когда мы делали это селфи. Меня газетчики, разумеется, обрезали. На снимке от меня остались только пальцы на ее запястье. Снимок сделан вечером, накануне того злосчастного рейса и до того, как я облажалась во всем, в чем можно. По фото все ясно без слов – одинокая Лори смотрит невидящим взглядом, а я пытаюсь до нее дотянуться. Пытаюсь удержаться на плаву.

¹ Компания «Meta», к которой относится социальная сеть «Инстаграм», признана экстремистской и ее деятельность на территории России запрещена. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 3

Теперь | ЭРИН

Перевалило за два часа ночи, а я по-прежнему в комнате Лори. Скоро вставать на работу. Надо бы выпить воды, принять пару таблеток аспирина и попробовать вздремнуть в оставшиеся до подъема часы.

Делаю глоток рома, стекло горлышка касается зубов. Изучаю фотографию самолета: он летел из фиджийского аэропорта Нади на крохотный островок на юго-востоке архипелага – Лимаджи. Только вот самолет с девятью людьми на борту так и не приземлился.

«Бесследно исчез», – писали во всех СМИ.

Пробегаю взглядом по карточке со списком последних перед исчезновением событий. Через двадцать две минуты после взлета пилот Майк Брасс сообщил наземной службе, что все системы работают исправно. Тем не менее восемь минут спустя самолет пропал с радара, так и не долетев до места назначения. Поиски велись всеми возможными способами в радиусе семьсот квадратных километров от места исчезновения, но результатов не дали. Не нашли ничего – ни обломков крушения, ни людей.

Прищуриваюсь, вглядываясь в список: вдруг что-то упустила?

После исчезновения я попыталась собрать воедино все доступные обрывки свидетельств. Не давала покоя полиции, британскому консулу и УГАФ – Управлению гражданской авиации Фиджи. Требовала от них отчета о поиске и отмечала на своей карте, какие области уже проверили. Я разыскивала родственников пропавших пассажиров и убеждала их в необходимости надавить на власти. Прочитала все найденные книги о крушениях самолетов и повествования о выживших вопреки ожиданиям. Специально писала пресс-релизы, чтобы тема с канувшим в небытие самолетом не исчезла с радаров СМИ.

«Ты похожа на одержимую», – сказала мне как-то во время звонка по скайпу моя давняя подруга Сара из Берлина.

«Прости себя, сколько можно?» – добавил маячивший за ее спиной Бен, разливая белое вино по бокалам на мерцающей отблесками света кухонной столешнице. Меня до сих пор коробит, когда вижу их двоих. Как-то давно, еще в школе, Бен сказал, что мы трое подобны сторонам равнобедренного треугольника: так же связаны друг с другом, равны и образуем идеальную симметрию. Ага. Ну и куда подевался этот идеал, когда они вдруг объявили, что любят друг друга и переезжают в Берлин?

Мне не впервой напиваться в комнате Лори. И каждый раз тянет пересмотреть зачитанные до дыр материалы в очередной попытке понять, что же случилось. Наклоняюсь через кровать к папке с данными по крушению, которые я соби-

рала в первые недели и месяцы после исчезновения. Я начала все записывать, чтобы занять голову. Ожидание казалось невыносимым. Мой разум просто разрывало от ужаса, самообвинений и вопросов без ответа.

Раскрываю наугад и просматриваю страницу: ответ по имейлу от УГАФ: они подтверждают, что прекратили поиск и дело остается открытым на неопределенный срок.

На неопределенный срок. Как с этим жить?

Я не тешу себя надеждами на счастливый конец. Не может быть, что самолет просто сел не на том курортном островке и пассажиры счастливо попивают коктейли у пляжа и танцуют в юбках из травы. Он пропал, потому что случилась какая-то беда. И я хочу знать какая! Мне позарез нужно выяснить, что стряслось после того, как пилот в последний раз вышел на связь? Что стало с моей сестрой? И да, мне чертовски важно знать, кого в этом винить, потому что сейчас во всем виновата я одна – я не приехала в аэропорт, как мы договаривались, я не села на треклятый самолет и теперь сижу в пустой комнате, в которой должна жить Лори!

С силой швыряю папку подальше. Удар о стену, она летит на пол, подобно раненой птице, порхая по пути фотографиями и документами, закрепленными в металлических кольцах переплета.

Склонность к неконтролируемым вспышкам агрессии – еще одна веская причина не пускать жильцов.

В ворохе статей замечаю листок с фотографией пассажи-

ра по имени Феликс Тайлер. Тогда ему было двадцать семь. На нем шапочка, натянутая до обрамленных густыми ресницами светло-карих глаз. Из-под головного убора выбивается копна темных волос до подбородка. Симпатичный хулиган с рабочих окраин. Я прочитала о нем, как и о других пассажирах рейса, все, что смогла найти. Я добывала подробности обо всех, кто летел с моей сестрой в тот день, чтобы узнать, зачем они летели и как повели бы себя в экстренной ситуации.

С Феликсом пришлось поломать голову. Он купил билет до Фиджи за два дня до вылета. Владелец отеля на острове, куда летел самолет, пояснил, что парень должен был заменить на несколько недель их штатного инструктора по дайвингу. Мне удалось достать копию резюме Феликса и лицензию дайвера, однако оказалось, что она поддельная. Выяснилось, что на самом деле он занимался альпинизмом, и никаких сведений про дайвинг не нашлось. За восемь месяцев до полета парень серьезно пострадал во время очередного восхождения, упав с пятнадцатиметровой высоты без шлема и защиты на гранитные глыбы. В итоге – четырнадцать переломов. С тех пор других попыток ходить в горы он не совершал.

Такое не могло пройти бесследно.

Я пыталась связаться с родственниками, но его отец умер через три месяца после исчезновения самолета, а мачеха разговаривать отказалась. Какие именно вершины покорил Фе-

ликс, сказать сложно, он предпочитал отдаленные хребты и пики, отследить которые нельзя. Ясно, что информация о поддельном сертификате дайвера и несуществующих рекомендациях не способна продвинуть расследование, но я все равно отправила ее на электронную почту британского консула и полиции.

И вот что интересно, в голове до сих пор свербит мысль: *Зачем? Зачем он соврал? И о чем еще умолчал?*

Глава 4

Тогда | Лори

Лори стояла возле окна в зале вылета и крутила браслет на запястье. Эрин так и не пришла.

Самолет ждал на залитой солнцем бетонной площадке рядом со зданием аэропорта. Красные полосы в нижней части обшивки были похожи на предоперационную разметку маркером. Лори знала: летать на маленьких самолетах – дело не из приятных. Они хлипкие. На них трясет, чувствуешь любой порыв ветра и нырок во время турбулентности. Она посчитала иллюминаторы с повернутой к ней стороны: восемь. Представила, как поднимется на борт, как лязгнут металлом ступеньки трапа, как будет припекать шею солнце... Ну ничего, лететь всего час. Она точно справится.

Со стороны взлетно-посадочной полосы к самолету подошел одетый в синий комбинезон сотрудник и стал осматривать что-то в нижней части фюзеляжа. Проверял двигатель? Бак с горючим? Лори понятия не имела, где что находится. Она наклонила голову, присмотрелась. Тем временем к самолету подошел работник в оранжевой светоотражающей куртке. По всей видимости, мужчины о чем-то спорили, показывая руками то на самолет, то на пристроенный к аэропорту ангар. Через какое-то время мужчина в оран-

жевой куртке торопливо ушел, а сотрудник в синем остался сидеть возле самолета на корточках, всем своим видом выражая озабоченность. Нерешительно пожав плечами, он, в конце концов, тоже куда-то ушел.

Что такое? Что он там увидел? С самолетом что-то не так?

И без того издерганную Лори начал обуревать страх.

Она приказала себе отвернуться от окна. Неподалеку, поглядывая в сторону выхода на посадку, разговаривал по телефону одетый в рубашку поло и летние брюки мужчина. В ногах стояла дорогая кожаная дорожная сумка.

«На туриста не похож, скорее всего, предприниматель», – решила Лори.

– Это Дэниел. Хотел убедиться, что между нами нет... недомолвок, – он говорил по-деловому, в голосе слышался авторитет. Слушая ответ с той стороны, мужчина переступал с ноги на ногу и, активно кивая, продолжал: – Прекрасно понимаю. Я ваш должник.

Другую руку он держал в кармане, откуда слышался звон мелочи.

– В чем-то сомневаетесь? – устремив взгляд на самолет, спросил он, вынул руку из кармана и погладил затылок. На лбу поблескивал пот. – Да, не исключено...

Так, надо срочно отвлечься... Где-то была книга...

Преодолевая беспокойство, Лори села на одно из стоявших рядом пластмассовых кресел, достала книгу и попробо-

вала сосредоточиться на чтении. Глядя в лежавший на коленях том, она трижды пробежала глазами по одной и той же строчке, не вникая в смысл.

Краем глаза Лори увидела входящего в зону вылета темноволосого парня с огромным рюкзаком за спиной. Он одним махом свалил рюкзак на пол и плюхнулся в крайнее в ряду кресло. Надев крупные наушники, парень опустил подбородок на грудь, закрыл глаза. Его тело обмякло на жестком сиденье, пальцы начали отбивать неведомый ритм.

Лори перевела взгляд на его лицо: каштановые волосы падали на скулы, покрытые густой щетиной. Затасканные серые джинсы и футболка еще больше подчеркивали темные круги под глазами.

Это что же за курортный остров она выбрала, куда летают такие вот типы? На сайте было сказано: «Экотуризм с элементами роскоши».

Вдруг парень открыл глаза, достал из кармана телефон и начал что-то читать на экране. Он явно напрягся. Крылья носа затрепетали. Глаза смотрели не моргая. Он сдвинул переносицу большим и указательным пальцами – на костяшках была содрана кожа и виднелись едва затянувшиеся порезы.

Лори попробовала вернуться к чтению, но, лишь мельком взглянув на книгу, снова устремила взгляд на парня.

Тот что-то яростно писал в телефоне. Писал и перечитывал. Потом нажал на отправку. И вдруг, к удивлению Лори, парень снял с телефона чехол, рывком открыл заднюю па-

нель, поддел ногтем сим-карту и вытащил ее из гнезда. Достал из кармана монету и начал скрести по матовому металлу микросхемы. Разобравшись с сим-картой, он встал с места и пошел к стоящей у стены урне, куда выбросил испорченную симку и разобранный телефон.

Возвращаясь на место, парень встретился взглядом с Лори. Остановился.

Лори бросило в краску, будто ее поймали на шпионаже.

Во взгляде парня – вызов и решительность ошестившегося волка.

Лори заерзала на сиденье.

Интересно, успеет ли она еще раз сходить в туалет? Это разрешено, если уже зашел в зону вылета? Она несколько раз нажала пальцем на низ живота: ладно, до самолета дотерпит. Нечего так переживать.

Подошла пожилая пара, оба катили за собой одинаковые чемоданы.

– Мы отмечаем сорок лет со дня свадьбы, – доброжелательно сообщил старичок-американец стоявшей перед ним рыжеволосой молодой женщине с младенцем в слинге. Та рассеянно кивнула – то ли устала, то ли чем-то обеспокоена.

Лори украдкой посмотрела в ее сторону: в висевшей на уровне груди перевязи была видна круглая головенка малыша с метелкой тонких светлых волос. Вообще-то Лори выбрала этот курорт в том числе за его удаленность: семьям с

детьми туда добираться неудобно, и он не оборудован под детские нужды.

Женщина повернулась, и Лори разглядела в слинге малыша нескольких месяцев от роду – примерно столько сейчас Бесси, дочке Пита.

Опять этот Пит!

Как там сказала вчера Эрин?

«Ты постоянно возносила его на пьедестал. Он того не стоит. Он же изменил тебе и ушел».

О последнем Лори можно было и не напоминать.

Ох, нет... Только не сейчас! Нельзя плакать! Она крепко сжала губы и, задрвав голову, посмотрела в потолок.

Надо взять себя в руки, или до самолета дело не дойдет!

Лори простила бы сестру, простила за все, если бы та извинилась.

– Девушка! Девушка, мы начинаем посадку.

Лори растерянно огляделась: пассажиры, следуя указаниям стюардессы, шли по длинному коридору. Лори хотела увидеть черную копну волос Эрин: не идет ли, стремительной походкой, с огромным рюкзаком за спиной?

– Погодите, мне... я жду сестру, – заикаясь, начала она. Голос дрожал. Впечатление со стороны, наверное, жалкое. – Она тоже летит этим рейсом. Должна быть здесь с минуты на минуту.

– Мне очень жаль, – вежливо произнесла стюардесса. – Выход на посадку уже закрыт. Боюсь, ваша сестра опоздала.

Глава 5

Теперь | ЭРИН

Кладу руки в карманы тоненького пальто и поднимаю плечи к ушам. Толпа жаждущих попасть домой горожан затягивает меня в метро. Расставляю ноги пошире, чтобы не упасть.

Голова уже не трещит с похмелья, боль перешла в тупую, ноющую стадию. От мысли о парне, которого я впустила вчера, и о том, что он увидел развешенные по стенам газетные вырезки, бросает в дрожь. По крайней мере, я с ним не переспала. Хоть в этом я молодец.

Теплый спертый воздух подземки доносит слабый запах мочи и съестного. Зря не поехала на велосипеде, но утром проспала, и с похмелья как-то не радовала перспектива поскользнуться на мокром от дождя асфальте.

Чем ближе к станции, тем сильнее толпу засасывает в туннель метро. На запястье висит пакет из супермаркета с полуготовой лазаньей и бутылкой вина – мой «роскошный» ужин. Остаться бы сегодня дома, смыть тяжесть дня под горячим душем. Вместо этого пришлось тащиться через весь Лондон, чтобы взять интервью у группы, чья песня попала в топ-сорок.

Ты бы оценила их песни, сестренка.

Улыбаюсь в шарф, вспоминая наши с Лори радио-войны, которые мы постоянно вели в машине подростками. Я тянулась с заднего сиденья к магнитоле, чтобы вытолкнуть ее кассету с попсой, и жаловалась, что у меня уши в трубочку свернутся, а Лори, желая меня остановить, отодвигала сиденье назад. Папа грозился включить радио с занудными новостями, если мы не перестанем.

Подошедший состав заполнен под завязку. Протискиваюсь внутрь, еду стоя остановок семь. Хорошо хоть на мне кроссовки, а не шпильки, как у женщины напротив, которая разминает костяшками пальцев затекшую поясницу. Постепенно толпа редет, и где-то на Кеннингтоне мне удастся сесть. Наконец-то снимаю колючую шерстяную шапку!

Хорошенько почесав голову, трогаю черный гвоздик в мочке уха и оглядываю вагон. Напротив меня розоволицая женщина читает вечернюю газету. Лоб пассажирки поблескивает, под глазами залегли мешки. Что ждет ее дома? Она войдет в квартиру, наполненную запахом домашней еды? Или, подобно мне, затолкает полуфабрикат в микроволновку и будет листать меню «Нетфликса», сидя под одеялом?..

Женщина переворачивает газету...

У меня перехватывает дыхание. Не может быть!

Это он!

На первой полосе фотография Майка Брасса, капитана, выполнявшего рейс FJ209: мужчина средних лет, темные волосы с проседью, белая форма пилота с золотой нашивкой

из трех полос на левом плече.

Два года назад страну будоражили всевозможные домыслы и слухи, и эта фотография не сходила с первых полос. Однако со временем новостей не добавлялось, и через несколько недель история переместилась с передовиц в середину, а потом и вовсе стала забываться, пока не превратилась в неприметную сноску и почти стерлась из памяти читателей. В моей же памяти это лицо пылает до сих пор. Сколько часов я потратила, пытаясь угадать, какие секреты хранит холод голубых глаз и сдержанная улыбка. И снова его изображение на первой полосе.

Почему именно сейчас?

Дата не круглая. Уже много месяцев новостей по этой теме вообще не появлялось. Она практически канула в Лету.

Надо посмотреть, что в заголовке? Встаю с места, подхожу к женщине.

– Мне нужно... – говорю я и уже тяну руку к газете.

Женщина испуганно охает, прижимая газету к груди, и тут я вижу – крупными черными буквами написано:

**СЧИТАВШИЙСЯ ПОГИБШИМ ПИЛОТ НАЙДЕН
ЖИВЫМ НА ФИДЖИ.**

Вокруг меня словно все померкло...

Дрожь по всему телу.

Поезд останавливается, меня бросает на женщину с га-

зетой, та истошно кричит, все поворачивают головы в нашу сторону. Напуганная пассажирка вскакивает на ноги и оправляет на себе одежду, я бормочу какие-то извинения, она швыряет газету на оставленное место и проходит к двери, возмущенно покачивая головой.

Кровь стучит в ушах. Тяжело дышать. Потными ладонями хватаю газету, пахнувшая свежей краской бумага липнет к пальцам. Двери закрываются, поезд, скрипя и переваливаясь, движется дальше, я читаю:

Майк Брасс, пилот самолета, выполнявшего рейс FJ209 и пропавшего около двух лет назад над южной частью Тихого океана, найден живым. Сегодня утром мужчина в бессознательном состоянии доставлен в приемное отделение клиники на Фиджи. Его привез управляющий отелем, где Майк Брасс работал. Пилота опознала одна из медсестер и сообщила в полицию.

Выяснилось, что после исчезновения самолета Майк жил на крупнейшем острове архипелага Фиджи – Вити-Леву под именем Чарли Флойда и трудился разнорабочим в курортном отеле в глубине острова.

Энн Брасс, супруга пропавшего пилота, сообщила: «Он ни разу не вышел на связь, я понятия не имела, что он жив». У Майка и Энн есть общий сын – Натан Брасс, проживающий вместе с матерью в Перте.

Пилот выжил?!

Кажется, я схожу с ума!

Вдох. Выдох.

Так, что там дальше?... Повторяют историю об исчезновении... а, вот, в конце:

Ситуацию прокомментировал представитель правительства Фиджи: «В настоящее время капитан Майк Брасс находится в руках врачей. Надеемся, его состояние стабилизируется, и он поможет пролить свет на расследование об исчезновении рейса FJ209».

Смотрю на свое отражение в темном окне вагона: в лице ни кровинки, брови нахмурены, губы сжаты в ниточку. К горлу подступила слюна с горькой примесью желчи.

Все это время пилот был жив?

Как я мечтала об этом, строила догадки, как мне хотелось верить в какую-то не поддающуюся логике причину, по которой пассажиры выбрались из-под обломков и выжили!

Все говорили, что нужно смириться с утратой.

Не осталось абсолютно никакой информации, ни черного ящика, ни обломков, ничего. Самолет словно в воздухе растворился. Основные версии сводились к следующему: его угнали; произошло самопроизвольное возгорание в результате изменения температуры; он пропал по воле Божьей; пилот решил покончить с собой.

За два года ни в СМИ, ни на сайтах конспирологов не появилось ни малейшего свидетельства. Ни одной зацепки. Ни слова.

И вот теперь...

Появился пилот.

Глава 6

Теперь | ЭРИН

Прижимая телефон плечом к уху, прохожу в квартиру, сердце бьется, как ненормальное. Из динамика слышны трели классической музыки: в британском консульстве на Фиджи до сих пор не берут трубку.

Не останавливаясь, шагаю на кухню, доставая на ходу из пакета бутылку вина. Чистых стаканов нет, пойдет и кружка. Трясущимися руками наливаю вино, в висках пульсирует. Выдавливаю из шуршащей упаковки пару таблеток обезболивающего, запиваю вином.

Наконец, мне отвечают из консульства: Майк Брасс дал показания полиции, скоро мне вышлют расшифровку стенограммы на имейл.

Прихлебывая из кружки, тороплюсь в комнату Лори, смахиваю со стола книги и бумаги, включаю ноутбук.

Проверяю почту – новых писем нет.

Барабаню пальцами по столу. Так, надо посмотреть новости. Выхожу на британские и зарубежные сайты: «Ньюс-24», «Фиджи таймс», Си-эн-эн, «Гардиан», а также «Твиттер». Через минуту во вкладках висит пара десятков страниц. Почему я не узнала об этом на работе? Хотя, конечно, в нашем еженедельнике мы как-то больше пишем о частной жизни

людей.

Просматриваю и впитываю предложения, абзацы, подзаголовки, цитаты и мнения. Ищу хоть что-то новое – увы, по большей части попадаетесь уже давно известное.

Пальто снимаю только через час. Через два скидываю кроссовки. Томящаяся в микроволновке лазанья забыта. Вперив глаза в экран, горстью ем сухие хлопья прямо из коробки, не замечая, как они просыпаются на одежду, запиваю вином.

Проверяю почту, снова и снова, до ломоты в пальцах.

Гляжу на стену, рассматриваю выцветшие газетные вырезки, фотографии с покоробившимися краями. А ведь я чуть не закрыла дверь в эту комнату навсегда. Даже моя одержимость дала слабинку, и я чуть не отказалась от поисков Лори.

Новые мысли и версии роятся в голове, как пчелы. Прощупываю каждый новый вопрос и зацепку, однако все они заводят в тупик, ту же и ту же затягивая гаечный ключ вины на горле...

Решительно встаю из-за стола и протягиваю руку к сегодняшней газете, отрываю первую страницу и прикалываю в середине стены, сразу над фотографией Майка Брасса.

«СЧИТАВШИЙСЯ ПОГИБШИМ ПИЛОТ НАЙДЕН ЖИВЫМ НА ФИДЖИ» – заново перечитываю статью. «Выяснилось, что после исчезновения самолета Майк Брасс жил на крупнейшем острове архипелага Фиджи под вымышлен-

ным именем».

Он не погиб. Но зачем решил спрятаться?

Всматриваюсь в холодные голубые глаза на фото: что произошло в самолете, если пилот предпочел скрыть это от всех? Кое-что я знаю, но этого мало. Слишком мало.

Опираюсь ладонями о деревянную столешницу, пытаюсь сосредоточиться.

Вдох. Выдох.

Наклоняю голову вперед, закрываю глаза.

Вдох. Выдох.

Так. Пилот жив.

Что дальше?

Что стало с самолетом? Где остальные пассажиры?

Лори, Лори! Что случилось на борту? Расскажи мне!

Жду, что в голове зазвучит ее голос... По щекам текут горячие слезы. На этот раз она безмолвствует.

Тишина.

Вздрагиваю от телефонного звонка.

– Алло?

– Это Пит.

– О... – я не нахожусь с ответом. Больше года не разговаривала с бывшим мужем Лори.

– Видела новости? Нашелся пропавший пилот. Эрин, ты что-то знаешь? Это правда? Он жив?

– Да, я в курсе. Его допросили в больнице. Скоро должны

выслать расшифровку стенограммы.

Нажимаю на кнопку «обновить» – во входящих пусто.

– Ага, так, значит, – размышляет Пит. – То есть живой, а сам ни слуху ни духу.

Я молчу.

– И что, по-твоему, это значит? – вопрошает он.

Оставляю вопрос без внимания и задаю свой:

– Как дела у Зоуи?

На краткий миг представляю, что с Зоуи все кончено: она получила несовместимую с жизнью травму в результате неудачного приземления на коврик для йоги или погибла, уронив на себя гирию. Но, вспомнив их с Питом прелестную круглолицую малышку, которой досталась улыбка отца, решаю сосредоточиться на деле, отбросив туманные помыслы о расколе в отношениях.

– У Зоуи все нормально, Эрин. Лучше расскажи про себя.

Последний раз он задавал этот вопрос на поминках Лори. Не припомню дня ужаснее. Я всеми фибрами души сопротивлялась проведению поминок, не хотела с ней прощаться.

Меня спасает звуковое уведомление о входящих.

– Письмо из консульства... – сообщаю я, взглядываясь в экран монитора.

– Что там?

Не отвечаю.

Письмо от некоего доктора Альбы из центральной клиники Фиджи. Он пишет, что сделанная Майку Брассу компью-

терная томография показала наличие опухоли мозга, которая, по их мнению, привела к потере сознания и таким последствиям, как затруднение речи и потеря памяти. Нажимаю на прикрепленный файл: короткий, не более двух страниц, документ. Бегаю взглядом по строчкам, внимая каждому ответу пилота... Так... Дочитываю... *Не может быть... И все?*

В примечании сказано, что по просьбе врача из-за нестабильного состояния интервьюируемого разговор был прерван.

– Эрин?

– Да... – отвечаю я.

Вжимаю пятки в холодный пол, пытаюсь унять дрожь в ногах.

– Что пишут? – в голосе Пита волнение.

– Почти ничего...

Я читаю вслух:

Помощник детектива: Вы подтверждаете, что вас зовут Майк Брасс и вы капитан самолета, выполнявшего рейс FJ209?

Майк Брасс: Да.

Помощник детектива: Через двадцать две минуты после взлета вы сообщили наземным службам по радио, что полет проходит нормально. Восемь минут спустя самолет пропал с радаров. Вы можете объяснить, что произошло

после вашего последнего выхода на связь?

Майк Брасс: Э... возникла... проблема... (Запись прервана. Пациент закашлялся, медсестра напоила его водой через соломинку.)

Помощник детектива: Объясните подробнее, какая проблема?

Майк Брасс: (Не отвечает.)

Помощник детектива: Следствие полагает, произошло что-то с самолетом. Грозовой фронт оказался сильнее, чем по прогнозу. Вам пришлось совершить аварийную посадку?

Майк Брасс: Пытался... (Молчит.)

Помощник детектива: Вы пытались совершить аварийную посадку?

Майк Брасс: Потерял... управление... (Молчит.)

Помощник детектива: Вы можете сказать, где самолет?

Майк Брасс: (Молчит.)

Помощник детектива: Повторяю вопрос. Вы можете сказать, где самолет?

Майк Брасс: (Долго молчит.) Не знаю.

Помощник детектива: Вы можете пояснить, самолет упал на землю или в воду?

Майк Брасс: (Не отвечает. Пациент закрыл глаза.)

Помощник детектива: Есть ли другие выжившие?

Майк Брасс: (Не отвечает.)

Помощник детектива: От вашего ответа зависит мно-

гое. Родственники пассажиров рейса FJ209 ждут вестей. Люди имеют право знать, что стало с их близкими. Повторяю вопрос. Пожалуйста, скажите, есть ли другие выжившие?

Майк Брасс: Нет.

Помощник детектива: Вы единственный, кто выжил?

Майк Брасс: Да.

Помощник детектива: Как единственный выживший в авиакатастрофе, вы можете объяснить, как вам это удалось? Вы использовали спасательный плот?

Майк Брасс: (Не отвечает.)

Помощник детектива: Нам известно, что накануне полета исполнился год со дня смерти вашей дочери. Вы приступили к работе в стабильном эмоциональном состоянии?

Майк Брасс: (Молчит.) Да.

Помощник детектива: Вы более полутора лет жили и работали на Вити-Леву под именем Чарли Флойда. Почему вы не дали о себе знать в полицию?

Майк Брасс: (Пациент испытал длительный приступ кашля. Ему поставили капельницу с обезболивающим. Пациент закрыл глаза.)

Помощник детектива: За это время пытались ли вы связаться с женой и сыном?

Майк Брасс: (Не отвечает.)

Допрос прерван по просьбе доктора Альбы из-за нестабильного состояния интервьюируемого.

– Это все, – отвечаю я. В животе горит и плавится.

– Значит, катастрофа, – еле слышно говорит Пит. –
Остальные не выжили...

Вышло, как все и предполагали. На что было надеяться?
Однако все эти годы я не сдавалась, верила и теперь, прочитав черным по белому, ловлю воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег.

– Не может быть. – Нервно сглотнув, Пит продолжает: –
Значит Лори... она... ее тело там? В самолете?

Все это время... Мне дурно от мысли о ее трупе, пристегнутом к сиденью.

– Я... я не могу...

Мы оба молчим. Я перечитываю и перечитываю ответы пилота.

– Эрин, я понимаю, тебе тяжело. Знаю, вы с Лори были близки, – вкрадчиво говорит он.

«Да что ты знаешь?» – клокочет у меня внутри. Глаза налились слезами, тяжело дышать...

Вдох. Выдох.

У нас с Лори никого не было. Мамы не стало, когда мне было восемь, а Лори – десять. Рак кишечника. Через десять лет умер от разрыва аневризмы головного мозга папа. Мне проще вспоминать об этом, перечисляя факты. Так легче. Не нужно вновь и вновь испытывать боль, как от удара под дых, когда наш маленький хрупкий мирок шмякнуло о каменную

стену утраты и горя. После смерти папы мы несколько месяцев старательно играли во взрослую жизнь. Но это днем. Ночью же мы забирались в кровать Лори и засыпали на одной подушке.

Со временем Лори научилась справляться с горем, перенаправив его силу на паруса карьеры и личной жизни: встретила Пита, вышла замуж. Я горевала по-другому: острое жало потери больно ранило то с одной стороны, то с другой, не давая опомниться. Единственной тихой гаванью оставалась Лори.

Теперь спрятаться негде. Я одна в безбрежном океане тревоги.

Так что кем мы были друг для друга, Пит, ты понятия не имеешь.

Кроме жены и ребенка у Пита есть родители, две сестры, многочисленные дяди и тети, даже бабушки и дедушки живы. Для меня же смерть Лори... Представьте, кто-то протянул руку и вырвал солнце с неба. Мне не на что опереться. Нет ничего. Мой мир слетел с орбиты и несется в неизвестном направлении. Я два года нормально не сплю. А когда просыпаюсь, брожу, как лунатик; самые простые действия для меня – подвиг. Я не живу, а только делаю вид.

Впрочем, пышущему оптимизмом Питу моих откровений не понять. Таким людям, как он, – с многочисленными родственниками и крепкими семейными узами, – делается неловко от существования на планете таких как я.

– Мне нужно идти.

– погоди, Эрин! Как ты? У тебя есть близкие? Кто-то за тобой присматривает?

– За мной не нужно присматривать, Пит, – огрызаюсь я и вешаю трубку.

Роняю телефон на стол. Выхожу из комнаты, иду через темную гостиную к окну. Отодвигаю пустую кружку и забираюсь с ногами на широкий подоконник, подтягиваю колени к подбородку, смотрю, как по темному стеклу текут капли дождя.

В одном из окон в доме напротив какой-то мужчина откидывает макароны на дуршлаг, прикрыв ладонью глаза, чтобы очки не запотели. Я частенько сижу здесь и рассматриваю обрамленные прямоугольниками света картины быта соседей. Вот женщина минут по двадцать играет на флейте, а ее муж в это время читает; а там маленький мальчик откинулся на спинку дивана, пока его баюкают отблески льющегося из телевизора света; а вон рыжеволосый парень, он каждый вечер по часу просиживает с телефоном в руках. Отделенные лишь стенами, в считанных метрах от меня и друг от друга... Наблюдение за мерным течением жизни других навеивает уют и покой.

«За мной не нужно присматривать», – ответила я Питу. А он наверняка подумал: «Ну да, как бы не так». Ведь обо мне всегда заботилась Лори.

Когда мы продали дом родителей, я переехала жить к Питу и Лори. Поселилась в свободной комнате, предназначенной для детской. Мы прожили в мире несколько лет. Дом был просторный, и нам не приходилось мелькать друг у друга перед глазами, как в квартире. А может, нас уравнивал Пит. Так или иначе, мы не ссорились.

Когда Лори развелась, я подумала, раз мы уживались раньше, получится снова, и пригласила ее пожить со мной в Лондоне. Но все начало меняться ровно с той минуты, как она закатила чемодан в комнату и недовольно протянула: «Ты даже шкафом не обзавелась, одежду повесить некуда».

Мы честно пытались поладить. Вместе ужинали. Обычно она готовила что-то полезное: густой суп с бутербродами из бездрожжевого хлеба с соленым сливочным маслом или пасту с грибами и красным вином. Утром Лори вставала первая и варила кофе на моей никчемной двухконфорочной плите. Купила коврик, чтобы прикрыть оставшееся от предыдущих жильцов темное пятно на полу в гостиной, и новый голубой плед на диван, который расправляла каждый вечер, аккуратно взбивала и раскладывала подушки, чтобы наутро комната выглядела свежей. Но вот в чем дело: когда я жила у них с Питом, мне были по душе ее забота и готовка, а на своей территории я воспринимала ее нежную, ненавязчивую опеку в штыки. «Живешь как студентка: ни забот, ни хлопот!» — как-то бросила она мне в ссоре.

Не просто в ссоре.

Тогда мы виделись последний раз.

Рывком поднимаю окно и высовываю голову в дождливую январскую ночь. Глубоко вдыхаю: зубы сводит от холодного воздуха. Морось окропляет лицо. Выдвигаюсь еще дальше наружу, опускаю голову, мелкие капельки собираются на затылке.

Внизу – бетонная площадка двора. Держусь за оконную раму и наклоняюсь еще немного, вес тела перемещается вперед.

Четыре этажа. Как минимум сломанная шея. Или хуже.
«Отойди от края!» – истошно кричит Лори в моей голове.
Но я наклоняюсь еще, вдыхаю окутанную белой дымкой ночь.

Мысленно пробегаюсь по фразам пилота и многочисленным пробелам, где он ответа не дал. Пытаюсь представить, как она зашла в самолет.

Ах, Лори, убрала ли ты дорожную сумку наверх – ту, что тщательно обмерила перед сборами в дорогу, – или поставила под кресло? Встревожилась ли, когда загорелась лампочка «пристегнуть ремни», или осталась спокойна? Посмотрела ли на соседнее место?

На пустое кресло, где должна была сидеть я.

Мы обещали друг другу всегда быть вместе.

Только вот я не пришла.

Приторно-липкий жар вины разливается в животе. Хочу

представить, что она чувствовала, когда самолет начал снижаться, как у нее от страха перехватило дыхание.

Видела ли ты стремительное приближение земли? Ты закричала? О чем думала в последний миг?

Промерзший мокрый бетонный двор внизу накрывается и куда-то поворачивается...

«Лори, как я хочу, чтобы мы оказались на том самолете вместе», – шепчу я в ночь.

Глава 7

Тогда | ЛОРИ

Все, дверь самолета закрыли, пассажиры отрезаны от мира. У Лори от страха все сжалось внутри. Самолет вдруг показался ей маленьким и тесным – микроавтобус с крыльями, да и только...

Она пристегнула ремень и начала затягивать, пока лямка не впилась в верхнюю часть бедер. Лори откинулась на спинку кресла, подголовник уперся в шею под неудобным углом. И кто только придумал эти сиденья? А руки куда девать? Она подержала их на весу, наблюдая, как дрожат кончики пальцев, затем прижала липкие горячие ладони к коленям.

Разглядывая выцветшую, местами порванную обивку кресел, Лори прикидывала, сколько лет самолету, и пыталась отогнать усугубляющие страх гипотезы, вроде: чем старше самолет, тем выше вероятность гибели.

Окно. Надо посмотреть в окно.

Она принялась рассматривать забетонированную площадку взлетного поля, покрытые зеленью горы вдали и куsocек синего неба над ними.

Большинство думает, страх летать – это боязнь разбиться во время взлета и посадки. Но дело не только в этом. Если бы Лори попросили выразить то, чего именно она боится, она

бы сказала: «А вдруг я захочу выйти?»

Как только самолет двигается с места – никуда не деться. Выбора больше нет: вы полностью зависите от действий пилота. Без исключений. Вы застряли в самолете с крошечными, наглухо запертыми иллюминаторами и дышите проходящим обработку воздухом. Запечатаны наглухо, и пока не доберетесь до места назначения, внешний мир для вас закрыт.

Лори посмотрела на соседнее кресло.

Место Эрин.

Ей до сих пор не верилось, что сестры нет рядом.

Ясно, что их отношения никогда не станут прежними.

Уедет ли Эрин в Лондон без нее?

«Когда вернешься домой, твой хлам будет уже собран!» – зло бросила ей Эрин в пылу ссоры.

Решится ли она? Да нет, безумие какое-то... и все же... Разве то, что происходит прямо сейчас, не безумие? Лори нервно сглотнула. Во рту словно наждачной бумагой застелено. Она вынула из сумки бутылку с водой и попила.

На соседних креслах через проход с комфортом устроилась пожилая пара: он достал кроссворды, она – пакетик изюма в шоколаде. Надо с ними пообщаться. Лори вообще любила заводить знакомства. Любила поговорить. Повернувшись, она увидела, как муж щелкал ручкой и читал вслух первую подсказку жене. Ладно, решила она, не буду мешать.

Лори взглянула на ряды кресел перед собой. Салон был заполнен меньше чем наполовину. Большинство сидело по

одному на ряд. Всего семь пассажиров.

Семь незнакомцев.

Хорошо одетый мужчина, чей телефонный разговор Лори невольно подслушала в аэропорту, сидел, скрестив ноги, и нервно постукивал ботинком о пол. Между носком и краем брючины была видна полоска бледной кожи. На ногах – дорогие кожаные броги.

Дэниел – так его, кажется, звали? – смотрел куда-то через проход. Проследив за его взглядом, Лори поняла, что он глядел на того темноволосого парня, что выбросил свой телефон. Парень сжимал и разжимал в ладони полупустую пластиковую бутылку из-под воды.

Дэниел буквально пожирал его глазами, играя желваками на скулах.

Темноволосый продолжал трещать бутылкой.

– Может, хватит? – рявкнул Дэниел.

Темноволосый перестал шуршать. Их взгляды встретились. Оба были напряжены. В глазах парня читался дерзкий вызов. Пожав плечами, он все же затолкал бутылку в карман впереди стоящего сиденья.

Стюардесса-фиджийка с убранными в идеальный пучок черными лоснящимися маслом волосами шла по проходу в переднюю часть салона. Дойдя до кабины и постучав в дверь, толкнула ее вперед.

Перед Лори мельком предстала странная картина: пилот сгорбился, голова опущена. Сквозь сложенные в замок на за-

тылке пальцы торчали седые волосы. Тот самый пилот, которого она видела в посадочной зоне. На дряблых щеках была легкая небритость.

Он что, нездоров?

Через мгновение пилот выпрямился, поправил фуражку и повернулся к стюардессе, изобразив на лице улыбку. Лори не было слышно, что говорила стюардесса, но пилот уверенно закивал и поднял большой палец вверх.

Зря я дергаюсь, все нормально.

И все же, когда стюардесса выскользнула из кабины, Лори заметила легкую складку над ее переносицей. Секунду спустя лицо фиджийки озарила прежняя улыбка.

– Уважаемые пассажиры, прослушайте правила техники безопасности.

Будучи прилежной ученицей, Лори внимала каждому предложению, запоминая, как открыть аварийный выход, как подогнать кислородную маску, где лежат спасательные жилеты.

На впереди стоящем кресле молодая мать пыталась успокоить малыша: из розового ротика младенца вырывались похожие на мяуканье крики. Мать прижала его к груди, поцеловала в голову. Как, должно быть, сладко пахла его кожа, какие мягкие были у него волосики. Ей хотелось протянуть руку, потрогать малыша... Иногда при виде младенцев она испытывала неизбывную тоску и нежность: ей нравилось любоваться их крошечными гладкими ручками, аккуратными

носиками... А порой она предпочитала не замечать их существования.

– Извините, можно попросить горячей воды для смеси? – обратилась рыжеволосая женщина к стюардессе.

– Конечно, сейчас принесу, – приветливо отозвалась та. Опустив ладонь на спинку рядом стоящего кресла и наклонившись, спросила: – Сколько нам?

– Сонни четыре месяца.

– Красавчик-то какой! Мамочка от тебя точно без ума!

Мама Сонни гордо смотрела на малыша и улыбалась.

– Без ума и без сна, – пожаловалась она. – Надеюсь, на солнце мне будет проще справляться с недосыпом.

– Откуда вы?

– Из Чикаго. Зимы у нас – не позавидуешь.

– Еще бы, – согласилась фиджийка. – А я вспоминаю, когда родилась моя дочка, тоже с ней намаялась, ночей не спала. Сейчас-то ей семнадцать, так утром не добудись! – предалась воспоминаниям стюардесса. – Кто-то из родственников помогает? – участливо спросила она.

– Никто, – рыжеволосая покачала головой. – Одна воспитываю. Но обожаю за десятерых, да, моя радость? – она вновь поцеловала сына в голову.

Колеса самолета покатались по бетону, поворачивая к взлетно-посадочной полосе, солнечные лучи прошли стекло иллюминатора. Всмотревшись в небо, Лори заметила впереди полосу темных облаков. Они висели на горизонте, на-

поминая густые клубы дыма.

Самолет неспешно покатился к взлетной полосе, солнце спряталось в облаках, в салоне потемнело. Пальмы на краю аэродрома начали крениться и дрожать.

Кресло рядом пустовало...

Эрин, почему, почему ты не со мной?

Сестра взяла бы ее за руку, напомнила о том, что на острове их ждут коктейли, горячий белый песок и прохладная морская гладь.

Младенец не унимался. Он то заходился громким плачем, то всхлипывал. Личико покраснелось, кулачки напряженно сжались. Мать прижала ребенка к себе, хотела взять на руки и поносить туда-сюда по проходу.

Увидевшая это стюардесса подошла к ним и предупредила:

– Мне очень жаль, но придется положить малыша в люльку. Мы скоро взлетаем.

– В ней он будет кричать еще сильнее, – тихо проговорила мать.

– Мне правда жаль, но такие правила. Когда погаснет лампочка ремней безопасности, сможете взять его обратно.

Мать оторвала от себя младенца и положила в люльку-переноску. Корчась, ребенок зашелся в отчаянном крике, женщина принялась утешать его шепотом, массировать круговым движением ладони животик.

Под колесами самолета скользила взлетно-посадочная полоса, оставляя аэропорт позади. В передней части самолета Дэниел махнул рукой стюардессе.

Из-за детского плача Лори не поняла, что он сказал, но заметила вдруг округлившиеся глаза фиджийки и услышала, как та, покачав головой, ответила:

– Нельзя! Скоро взлетаем.

Мужчина указал на иллюминатор и сказал что-то еще. Лори расслышала конец фразы:

– ...сойти. Сейчас же, – спокойно отчеканил он, как инструкцию, без капли тревоги в голосе.

Что происходит? Он узнал о приближении грозы?..

Лори вспомнила разговор мужчины по телефону, он в чем-то сомневался. У нее побежали мурашки по коже.

Так и знала! Зачем я села в самолет без Эрин!

С какой стати ей тут сидеть пристегнутой к железному корыту, которое вот-вот пробьет облака и свалится в океан?

Ее рука переместилась к ремню безопасности. Нужно выйти! Горло сдавило страхом. Лори щелкнула рычажком пряжки и освободилась от ремня.

– Мы еще на земле! – возразил Дэниел на повышенных тонах.

– Уже взлетаем, – безапелляционно заявила стюардесса.

Взревели двигатели, самолет устремился вперед. Сердце забилося, в животе похолодело от страха. Сила притяжения вдавила Лори в сиденье, и она стала нащупывать ремень без-

опасности. Впереди плакал ребенок.

Самолет зашел в клубящиеся тучи, стекла иллюминатора окропило дождем.

«Не к добру это, – думала Лори. – Ох, не к добру...»

Чета американцев на соседнем ряду молилась:

– Отче наш, иже еси на небесех...

Лори защелкнула пряжку ремня и почувствовала отрыв от земли. Вот и все. Они в воздухе. Теперь никуда не деться.

Глава 8

Теперь | ЭРИН

Горящий самолет стремительно падает, из хвоста валит дым.

«Лори! Лооориии!» – кричу я, глядя в небо.

Самолет близко, в иллюминаторе белое от ужаса лицо сестры. Снова ее зову, но она меня не слышит. Не знает, что я там.

Поднимаю руки, словно хочу вырвать ее оттуда.

Но не могу.

Самолет врывается в землю – взрыв пламени...

Вскакиваю в холодном поту, судорожно хватая воздух – мое обычное пробуждение...

Из дома выхожу рано. Налегая на педали, еду по серому утреннему Лондону. Пролетаю мимо строителей, бурящих асфальт: пыль оседает в горле. Мои мысли мчатся со мной, скачут по зияющим пробелам в стенограмме пилота.

Мчу на всех парах, икры налились кровью. Я поглощена мыслями, не слышу коротких гудков сдающего назад грузовика. Железный бок кузова толкает переднее колесо велосипеда – лязг металла! – и я улетаю вперед, раскинув руки...

Все вверх тормашками: лобовые стекла машин накрени-

лись под неестественным углом, яркий свет уличных фонарей бьет в глаза. Кажется, я лечу бесконечно медленно, все дальше от велосипеда, земли, дороги.

Думаю о Лори. Что она видела, когда самолет стремился к земле? Возможно, мимо нее промчалась тележка с едой, все гудело...

Удар! С грохотом приземляюсь на тротуар, бездыханная пустота в груди.

Я не двигаюсь: при падении хрустнул шлем, наверное, сотрясение мозга...

Дверца грузовика открывается. Ко мне топает человек в тяжелых ботинках.

– Ох ты ж! Жива, дорогая?

Набрав в легкие воздуха, отвечаю:

– Да...

Тротуарная плитка обжигает холодом. Подходят зеваки: вижу чьи-то кожаные туфли, запачканные белые кроссовки с трениками, черные колготки и высокие шпильки.

– Куда ж ты смотрела? Куда смотрела, говорю? – водитель грузовика явно паникует. – Не слышала, я сигналил, назад сдавал?

– Извините, – к горлу подкатил ком.

Кто-то присел рядом: серьезный, узкое лицо.

– Вам помощь нужна? Я фельдшер.

Понятия не имею, насколько сильно я пострадала. К глазам подступили слезы. Слишком много людей. Не хочу здесь

оставаться. Нужно уходить.

Поднимаюсь, меня пошатывает, не знаю, куда идти. Где велосипед?.. Вон он, далеко позади: неужели меня отбросило в такую даль? Прикидываю, сколько метров я летела по воздуху, и... не выдерживаю: из глаз брызгают слезы.

– Давайте помогу, – предлагает фельдшер.

– Извините, – похоже, других слов у меня не осталось. Прихрамывая, иду к велосипеду, поднимаю с земли: колесо не погнуто, хоть бы поехал! Быстрее сажусь и жму на педали.

Локоть прожигает болью, на коленке – липкая сырость. Водитель грузовика кричит вслед:

– Доедешь, не сильно расшиблась?

– Подождите! – кричит кто-то.

Но я сильнее кручу педали, уезжая прочь. Подальше отсюда.

На работе иду прямо в туалет и, как могу, привожу себя в порядок, счищаю песок с пореза на подбородке. Любимые черные джинсы порваны у колена. Закатываю рукав: локоть кровоточит. Прикладываю к ране скомканную салфетку и опускаю рукав: надеюсь, будет держаться. Где-то в офисе есть аптечка, но, чтобы взять ее, потребуется найти человека с ключом от кладовки, а, значит, разговора об опасностях езды на велосипеде в Лондоне не избежать. Лучше выпью кофе.

Утреннее собрание в девять, на офисной кухне толкут-

ся те, кто пришел пораньше. Незаметно вхожу, достаю из сушилки треснутую кружку с надписью «Сохраняй спокойствие и двигайся вперед». Пока закипает чайник, рассматриваю кофейные потеки внутри ее. Интересно, можно ли определить возраст кружки, сосчитав потеки, словно кольца на стволе дерева?

– Как тот случай, помните? Пара исчезла в Панаме, – Таллиа рассказывает что-то остальным. – Ради страховки притворились мертвыми перед собственными детьми! Ради каких-то ста тысяч.

– Вот эгоисты, – вмешивается в разговор кто-то другой.

– Может, пилот тоже хотел, чтобы жена получила страховку?

Кто-то оборачивается и замечает меня. Все переглядываются, замолкают.

Коллеги знают, что тем самолетом летела моя сестра. Знают, но я с ними это не обсуждала. Я устроилась помощником редактора три года назад, потом какая-то журналистка ушла в декрет, и мне дали ее место. Она так и не вернулась, а я все еще здесь: гоняюсь за историями и до сих пор гадаю, мое ли это предназначение. Каждый месяц в офис прибывают новые, голодные до работы стажеры. Каждый раз, видя их рвение получить у нас работу, чувствую себя мошенницей: словно украла чужую роль.

– Что с подбородком? – спрашивает Даррен, мой единственный друг на работе.

– С велосипеда упала, – трогаю саднящую царапину рукой.

– Выглядит не очень. В целом-то как, нормально?

Я бодро отвечаю:

– Конечно!

Даррен прикладывает руку к виску, отдавая честь.

– Давай, – говорит он, забирая кружку, – хоть кофе тебе налью. Скоро собрание.

Мы сидим за большим столом перед раскрытыми блокнотами. Отпиваю из кружки: молока в два раза больше, чем я люблю.

– Спасибо за латте, Даррен.

Он усмехается, затем открывает блокнот, там у него мультишные наброски с маленькими облачками речевых пузырей. Поворачивается ко мне и внимательно смотрит.

– Точно все нормально, Эрин? – участливо спрашивает он.

Уф, можно не отвечать: в комнату входит Ребекка, наш редактор – высокая, худощавая, говорит, немного коверкая гласные.

По пятницам мы представляем идеи для журнала на следующую неделю. На собрании заведен особый порядок: приходить подготовленным, за пределами конференц-зала планы не раскрывать, чтобы не перехватили. Некоторые не затыкаются и выносят на обсуждение пустяковые задумки. Дру-

гие до поры до времени молчат, а потом выдают сногсшибательную идею.

Голубоглазая Ребекка оглядывает зал и останавливает взгляд на мне.

– Эрин, – все смотрят, я краснею. – Пилот, – завершает она фразу.

Вот так, пара слов. Больше ничего. Даррен говорит, она работает редактором так долго, что говорит заголовками.

Она знает, к этой истории у меня особое отношение. И да, для нее это не больше, чем история.

Открываю блокнот. Скольжу взглядом по пустым строкам. Молчу.

В руках до сих пор дрожь после падения. Все на меня уставились, щеки пылают.

Вдох. Начинаю.

– Родственникам пассажиров рейса FJ209 выслали по электронной почте расшифровку интервью с пилотом. Выяснить удалось немного, он почти не разговаривает. Мы знаем, что самолет разбился и выжил только пилот. Нет никаких сведений о том, что произошло во время полета и где сейчас самолет. Как ему удалось выжить, тоже неясно. – Смотрю на Ребекку в упор и продолжаю: – Я хочу знать, что скрывает пилот.

Так оно и есть. Мне мало односложных, несвязных ответов из стенограммы. Хочу смотреть в глаза, слышать голос, видеть выражение лица, когда он будет отвечать. Я должна

выяснить, что произошло, когда самолет разбился. Почему пилот выбрался из-под обломков, а Лори нет?

Он отвечал за безопасность каждого из семи пассажиров, однако же они мертвы, а он жив. Почему он не связался со своей семьей и друзьями? Почему не пришел в полицию? Мне важно знать, что заставило человека отказаться от прежней жизни.

– Я полечу на Фиджи и возьму интервью у пилота, – неожиданно для себя самой объявляю во всеуслышание.

Глава 9

Тогда | ЛОРИ

Лори приникла носом к иллюминатору: не видно ни зги, только клочья облаков, похожие на дым, проносятся мимо.

Она мельком глянула на часы. Уже сорок пять минут в воздухе. Почти прилетели. Лори зябко потерла руками плечи: почему в самолетах кондиционеры всегда морозят на полную катушку? Она решила достать теплую кофту: встала, потянулась в багажный отсек... вдруг самолет дернулся, словно подскочил на препятствии. Из бутылки выплеснулась вода.

Турбулентность, ничего страшного.

Только сердце не унималось.

Загудел сигнал, и загорелась лампочка «пристегнуть ремни». Лори затянула ремень, вставила бутылку в карман впереди стоящего кресла и убрала откидной столик.

В проход вышла стюардесса.

– У нас на пути грозовой фронт, пилот обходит его по краю. Пока мы облетаем этот участок, лампочка «пристегнуть ремни» будет гореть.

«Турбулентность – обычное дело», – убеждала себя Лори. На прошлой неделе она поискала это слово в «Гугле»: «вихревые потоки воздуха, вызванные разными причинами, та-

кими как полет над горами, близость к струйным течениям и грозам». И все бы хорошо, но в объяснении из Интернета упоминают: «по сводкам погоды и отчетам пилотов предсказать турбулентность не всегда возможно». Остается одно – затянуть ремень и ждать.

Снова удар! Самолет будто врезался во что-то твердое. Сердце бешено застучало в груди. В окне иллюминатора все так же проносились хлопья облаков.

Разбуженный ударом ребенок пронзительно закричал. Мать потянулась к люльке, но стюардесса громко предупредила:

– Пожалуйста, оставьте его там, пока не выйдем из турбулентности.

Самолет накренился: голову Лори отбросило на сиденье.

– Вот черт! – воскликнул парень в шапочке.

Лори судорожно вцепилась в подлокотники. Что происходит? Почему такая тряска? Явно не просто турбулентность.

За окном наблюдалась та же картина: стремительно летящие облака.

Хочу на землю! Прочь из этой консервной банки!

Самолет опрокинулся на левое крыло, что-то громко заскрежетало.

Вот это точно ненормально!

Дэниел повернулся к стюардессе – в лице ни кровинки.

– Что происходит? – спросил он, перекрикивая шум двигателя.

– Все в порядке! – заверила стюардесса, вцепившись в спинку кресла. – Ремни пока не отстегивайте. – Она изобразила улыбку и неуверенно двинулась в сторону кабины пилота.

Пассажиры не сводили с нее глаз: она добралась до кабины и открыла дверь.

– ...сбой в левом двигателе! – выкрикнул пилот. – ...переключаю на вспомогательный бак... – стюардесса захлопнула дверь.

– Что-то с двигателем! – вцепившись в руку мужа, прокричала американка.

Лори бросило в пот, грудь сжало, словно обручем.

Оглушающий рев и скрежет усиливались с каждой минутой.

Обвив руками люльку, молодая мать успокаивала малыша.

Американская пара снова молилась.

По салону пролетел запах паленого металла.

Из кабины опрометью выскочила встревоженная стюардесса.

– У нас неполадки в топливной системе, – громко произнесла она. – Будет аварийная посадка. Всем пристегнуться...

И вдруг самолет резко накренился и пошел вниз. В салон ворвался вихрь воздуха, будто стекла выбили. Стюардессу подбросило спиной к потолку.

Кто-то закричал.

Нестерпимая боль пронзила мозг, пламенея где-то в ушах и за переносицей. Волосы Лори заплясали над головой. Влекомые непреодолимой силой предметы полетели вверх. Поднялась книга. Телефон треснул о потолок, туфли пригвоздило к багажной полке.

Теперь в салоне кричали все. Мать сгорбилась над люлькой, накрыв малыша собой.

Грудь сдавило еще сильнее. Лори безуспешно попробовала дотянуться до кислородной маски.

Что-то дребезжало. Самолет трясло, он накренился, словно земная ось поменяла направление.

Дверь в кабину распахнулась: пилот сидел, остервенело вцепившись в штурвал, плечи напряжены, шея побагровела.

Через лобовое стекло мелькнула в облаках земля, потом море и небо.

Тело рвало на части от нестерпимого давления, глаза выталкивало изнутри...

Самолет падал.

«Конец», – шепнул внутренний голос.

Однако перед Лори не пронеслась вся жизнь. Она не думала ни о сестре, ни о Пите. Ее занимало другое: толком пожить не успела, ребенка не родила – фильм о ее жизни оборвется на половине.

А потом... показалась земля. Зеленая, ослепительная, она была близко-близко... ближе некуда.

Глава 10

Теперь | ЭРИН

Я на Фиджи, выхожу из терминала на ослепляющее солнце. Еще вчера сидела на работе в Лондоне, и вот я здесь.

Беру машину напрокат. Водитель из меня неважный: трижды заглохла, выезжая с парковки, парень из прокатной конторы аж поморщился.

Смена часового пояса на мне явно сказывалась: глаза не видят, ноги не ходят, во рту – сухость.

В Лондоне у меня машины нет, и я отвыкла от вождения, однако стиль езды не изменился: быстрый разгон, резкое торможение. Еду по извилистому шоссе мимо обшарпанных магазинов, баров и замусоренных обочин. Преломленные тонированным стеклом лучи солнца падают на грудь. Наклоняюсь к панели управления, настраиваю кондиционер: вот он, долгожданный глоток прохлады.

Аэропорт в нескольких километрах позади, и пейзаж начинает напоминать Фиджи, каким я его помню: красноватая земля, лоснящаяся зелень растений, лотки с фруктами вдоль дороги, где продают свежие кокосы и огромные связки маленьких зеленых бананов. За поворотом блеснуло бирюзой море.

Проезжая мимо ярко освещенной витрины художествен-

ной галереи, замедляю скорость, присматриваюсь... А мы с Лори тут проезжали: я помню, она обернулась посмотреть на красивые морские пейзажи. «Хочу на нее взглянуть», – сказала она. Я остановила машину – передние колеса запрыгнули на тротуар, Лори выпорхнула на дорогу и пошла к витрине. К сожалению, галерея была закрыта, и Лори глядела на масляный холст с улицы. Я наблюдала за ней в отражении стекла: такая увлеченная и безмятежная. Остановилась, только чтобы увидеть прекрасное. А я думала: вот бы и мне так полюбить что-то всей душой...

«Заедем на обратном пути», – пообещала я, когда сестра вернулась в машину.

Увы, мы так и не заехали.

Навигатор сообщает о прибытии к месту назначения. Сворачиваю налево, в обрамленный каменными столбами арочный въезд, тщательно продуманная вывеска над которым гласит: «Отель “Пасифик”». Паркую машину перед огромным белым зданием: безупречно подстриженную лужайку поливают разбрызгиватели. Любуюсь яркими цветами на клумбах, идеально сформированными кронами деревьев.

Я забронировала номер из аэропорта по телефону. А теперь думаю: почему я выбрала тот же самый отель?

Здесь я видела сестру в последний раз.

Прошло два года с тех пор, как мы с Лори вместе поднимались по мраморным ступеням этого роскошного вестибю-

ля с высокими потолками. Помню шуршание ее платья, как она запрокинула голову и уставилась на куполообразный деревянный потолок с резными цветами. «Красиво», – восхищалась она.

В этом фиджийском отеле мы хотели переночевать перед полетом на островок Лимаджи, где нам предстояло провести отпуск. Увы, все пошло не по плану.

В отель я вернулась уже днем: с похмелья, невыспавшаяся, казнила себя на чем свет стоит – испортила сестре отпуск! Хотела забронировать другой рейс, раздумывала, чем бы ее порадовать, чтобы скрасить свой проступок... а портье на стойке сказал: «Вас ожидает мистер Стивен Уиллс, британский консул».

Консул? Меня?

Я подумала, они ошиблись, прошла через этот самый вестибюль, хотела заговорить, но первым заговорил Стивен Уиллс: сублинный мужчина с крепким рукопожатием.

– Вы Эрин Холм? Сестра Лори Холм? Она летела рейсом FJ209 на Лимаджи? Вы должны были лететь с ней, верно?

Тысячу раз да!

А потом удар под дых – неожиданный, стремительный, я даже не успела опомниться.

– Самолет, на котором летела ваша сестра, не добрался до места назначения. Управление гражданской авиации Фиджи пытается выйти на контакт с экипажем, ведутся поиски...

Так все началось.

Следующие три недели я провела в отеле: рыскала по коридорам в поисках лучшего места для приема интернет-сигнала; донимала местную полицию, требуя отчета в продвижении расследования; постоянно ходила в консульство; отвечала на звонки обеспокоенных друзей Лори.

И вот я на стойке регистрации, жду, когда управляющий – стройный учтивый юноша – заселит прибывшую пару гостей. Очередь доходит до меня и, виной ли тому мой замученный вид, но молодой человек наклоняется чуть ближе и со всей искренностью говорит:

– Несказанно рад, что вы остановились именно у нас. Я в полном вашем распоряжении. Меня зовут Тиа, обращайтесь в любое время.

Мне кажется, я уже видела эту широкую улыбку. Интересно, работал ли он здесь два года назад? Пожалуй, нет: слишком молод, больше похож на школьника.

Я благодарю Тиа, отказываюсь от помощи носильщика и, накинув рюкзак на плечо, минуя лифт на пути к лестнице.

Шагая по коридору к номеру, прохожу мимо зеркала в раме из отполированного водой дерева и вижу свое отражение: темноволосая бледнокожая девушка, с ношей за плечами, под глазами темные круги, сгорбленная спина. Есть что-то еще, но я не могу выразить словами. Путешественница в погоне за теньями.

Вижу широкие лямки рюкзака, который может поведать о приключениях и нехоженных тропах, и мне тоскливо, сама не

знаю почему. Глядя на свое отражение, я будто вижу другую себя: лишь отблеск той, кем я хотела бы стать. Увы, как до нее дотянуться, не знаю.

Иду дальше, чуть заторможенная, напряженная.

«Ты? Напряженная? Не выдумывай», – подает голосок Лори в моей голове, она улыбается, и я тоже.

Номер встречает ледяной прохладой. Поиграв с клавишами, нахожу кнопку выключения кондиционера. Иду к балкону, распахиваю створки и шагаю в густую жару. День уходит в облака цвета пыльной розы.

Слышится гул самолета: меня пробирает неприятный озноб – с некоторых пор я особенно к ним внимательна. Над Лондоном они летают постоянно: я слышу их перед завтраком; по дороге на работу, когда еду на велосипеде; слышу через огромные окна офиса и ночью, лежа в постели, когда пытаюсь заснуть.

В первые месяцы после исчезновения Лори гул летящего самолета приковывал меня к месту: я замирала, почти не дыша, вытягивала шею, напрягала плечи, искала его на небе и смотрела – продолжит ли путь или вдруг начнет петлять, теряя высоту, штопором устремится к земле. Я ждала, пока он не исчезнет из вида, оставив после себя облачко пара на пустом небосклоне.

Мне стоило больших усилий научиться их не замечать – ну, или не уделять им столько внимания. Однако здесь, на Фиджи, вид летящего самолета вызвал то же острое чув-

ство: словно сильные руки сжали грудную клетку. Вероятно, этот небольшой самолет направился на один из отдаленных островов. Я видела статистику: все пассажиры благополучно доберутся до места назначения. Шансы попасть в авиакатастрофу – один из одиннадцати миллионов.

Из одиннадцати чертовых миллионов!

Как тебя угораздило, сестренка?

Вероятность погибнуть в автомобильной аварии – один к пяти тысячам. Ступая на борт самолета, вы вручаете пилоту право распоряжаться вашей жизнью. Двери закрыты, самолет в воздухе, никуда не деться. Вся надежда на то, что за штурвалом – человек в полном уме и здравии, готовый принять единственно верное решение.

Мои мысли поворачиваются в сторону капитана Майка Брасса: 53 года, волосы темные, с проседью, австралиец, безупречный летный стаж, женат, есть сын. Таким он предстает в прессе, но это неполная картина.

Завтра увижу его лично. Никакого блестящего плана у меня нет, просто пойду в больницу, постараюсь найти пилота и поговорить: мне нужно всего несколько минут. Посмотрю в глаза и спрошу: «Что произошло на самом деле?»

В стенограмме – безжизненные слова, я же хочу оценить его мимику, увидеть глаза.

Я два года размышляла об исчезновении рейса FJ209; два года по ночам в голове свербели вопросы. Хваталась за любую зацепку и плыла по извилистому потоку воображения,

ожидая, куда он заведет.

Мысленно перелистываю расшифровку стенограммы, вспоминаю скудные ответы Майка Брасса и многочисленные пропуски.

Помощник детектива: Нам известно, что накануне полета исполнился год со дня смерти вашей дочери. Вы приступили к работе в стабильном эмоциональном состоянии?

Майк Брасс: (Молчит.) Да.

Пилот солгал.

Солгал о том, что произошло в ночь перед полетом. Я в этом уверена, потому что тоже солгала.

Глава 11

Теперь | ЭРИН

Утром следующего дня я паркуюсь на больничной стоянке. Ноги в шлепанцах соскальзывают с педали, машина глохнет, я привычно тяну руку к замку, чтобы перезапустить двигатель, но, как назло, ключ в арендованной машине дистанционный. Шарю по салону в поисках пульта и ненароком опираюсь на кнопку сигнала, в ответ – оглушительный гудок.

«Молодец, Эрин. Само изящество», – язвит голосок Лори.

Ныряю во влагу утреннего зноя: вся покраснелась, под коленями липко. Сердце выпрыгивает из груди – зря выпила кофе натошак, но кусок в горло не лез. В итоге я взвинчена кофеином, умираю-спать-хочу из-за смены часового пояса, и сама не своя от волнения. Лихорадочно перебираю в голове вопросы для интервью.

В больницу я позвонила заранее, представилась сотрудником местной полиции и уточнила номер палаты. Не знаю, нарушила ли я уголовный кодекс Фиджи, назвавшись полицейской, однако свой телефон скрыла, так что, надеюсь, порядок.

Во время разговора с персоналом больницы обнаружилось три факта: во-первых, пилот еще жив; во-вторых, его перевели в хоспис – тут же, в больничном городке; в-третьих,

состояние Майка Брасса ухудшилось.

Перед одноэтажным бежевым зданием хосписа – декоративный фонтан. Прохожу мимо пожилого фиджийца в инвалидной коляске, тот наблюдает, как в струях воды плещутся две яркие птицы. Он желает мне доброго утра, я отвечаю на приветствие сквозь зубы. Напоминаю себе, что хмуриться необязательно. Однажды Лори дразнила меня: «Знаешь, о чем говорит твое обычное выражение лица? Меня все бесит, лучше не подходите!»

В воздухе пахнет хлоркой и пищей – тошнотворное сочетание. Окно приемной; за стойкой, склонив головы друг к другу, беседуют две девушки в больничных робах – иду, не глядя, мимо.

Прохожу по коридору, заглядываю в открытые двери палат. В одной – фиджийка в ярко-зеленом платье прикорнула на гостевом раскладном кресле рядом с кроватью родственника: глаза прикрыты, ладонь прижата к его груди; в другой – подросток в полосатой спортивной рубашке смотрит телевизор.

Следующая комната принадлежит ему – Майку Брассу, капитану рейса FJ209.

Вот он, человек, по вине которого разбился самолет, где летела Лори. Тот, кто выжил, когда остальные умерли. Кто жил на материковом острове, скрываясь от семьи, полиции, прессы. Он один может ответить на мои вопросы.

Пилот лежит на спине, приоткрыв рот, глаза закрыты. Во-

лосы с одной стороны выбриты. Будь я в настроении, придумала бы что-нибудь смешное о наших похожих прическах. Но мне не до шуток. К левой руке мужчины подведена капельница, на металлической стойке рядом с кроватью закреплен мешок с прозрачной жидкостью. Чуть подальше попискивает аппарат, мигая черно-зеленым экраном.

Делаю глубокий вдох, захожу в комнату, закрываю дверь. Подхожу к постели и сажусь на пластмассовый больничный стул.

– Майк?

Нет ответа.

– Майк! – громче зову я.

Он не реагирует. В комнате ужасно душно, футболка прилипла к спине.

Не знаю, сколько у меня времени. Тянусь к его руке и замираю в нерешительности. Его запястье обведено больничной лентой поверх светлой растительности. В конце концов сжимаю его ладонь в своей.

– Майк!

Веки затрепетали. Он задышал по-другому.

Я сжимаю ладонь сильнее и зову еще громче.

Он открывает глаза. Моргает, что-то бормочет, цепляет растопыренными пальцами воздух.

Беру с прикроватного столика бумажный стаканчик с водой, подношу ко рту, направляя соломинку к его губам. Он делает глоток, я убираю стакан, и только сейчас он поднима-

ет голову и оглядывает мое лицо, присматриваясь.

Какое-то время он молчит, пытаюсь разглядеть, кто перед ним. Я жду, когда он меня узнает.

– Это ты? – голос хриплый, слабый.

Он долго смотрит мне в глаза.

В моей памяти – ночной бар, звон льда в бокалах.

– Да, – отвечаю.

Тишина. Мы смотрим друг на друга, припоминая разные фрагменты одного вечера.

– Ты никому не сказала, – говорит он.

Молчание затягивается. У меня в душе невысказанная бу-
ря.

– Пока нет.

Он хочет приподняться на локтях, изо рта вырывается несвежее дыхание. Попытка сесть кажется невыполнимой, Майк падает на подушку.

– Тем рейсом летела Лори Холм – моя сестра, – у меня в голосе сталь.

Он меняется в лице. Отводит взгляд.

– Выкладывай все.

– Я уже дал показания.

– Эту чушь я видела. Мне нужна правда.

Он смотрит на дверь, как будто ожидая спасения, но она закрыта: мы одни.

– Мы оба знаем, ты не должен был лететь. Оправдания

или извинения меня не интересуют. Я жду фактов. Где вы разбились?

– Над каким-то... островом...

– Каким?

Он качает головой.

– Мы потеряли курс. Там... полно островов.

Я часто брала интервью и сразу вижу, когда люди изворачиваются. В таких случаях я задаю серию легких, ничего не значащих вопросов, чтобы человек, отвечая без перерыва, ослабил бдительность. Однако сейчас времени нет.

– Что было после крушения?

– Мне удалось выжить, – помолчав, отвечает он хрипло.

– Радость-то какая, – не удерживаюсь от ехидной реплики. – А остальные что?

Он моргает.

– Выжил только я. Тебе должны выслать мои показания.

– Я хотела услышать твой ответ лично, а не из расшифровки. – Задаю вопрос по-другому, предельно односложно: – Моя сестра жива?

Этот вопрос я лелеяла с тех самых пор, как исчез злополучный самолет. Тело ведь не нашли, значит, оставалась хрупкая надежда. Правильное ли это слово – «надежда»? С одной стороны, вселяет веру в лучшее, а с другой – в шаге от отчаяния. Надежда – единственное, что держит на плаву, когда рассыпаются в прах сколько-нибудь достоверные данные. Она зыбка, словно ветер, и все же я чувствую, она здесь,

вокруг меня, и надеюсь, надеюсь, надеюсь...

На лице Майка растерянность, он как будто удивлен, что я вообще об этом спросила. Только чему удивляться? Я два года прожила в мире теней – имею право предполагать, если он жив, может, спаслась и Лори?

Пилот медленно качает головой.

– Она умерла, – снова удар под дых, тупой и беспощадный...

С какой стати? Я не обязана принимать его слова на веру.

И все же в глубине души, где-то в ее закоулках, я знаю – это правда.

– Где ее тело? – отстраненно спрашиваю я.

– Прости...

Ну уж нет, извинение за ответ не принимаю. Я наклоняюсь вперед, прямо к его лицу:

– Где. Ее. Тело. Где оно? Говори сейчас же! Ты знаешь, где оно. Все еще в самолете? Ты оставил ее там? Только не там...

Она боялась летать... мало того что разбилась, так еще лежит в треклятом самолете...

– Нет... – еле шепчет он.

– «Нет» – не оставил?

Лицо пилота искажает глубокая боль. Он тянется к пульту подачи обезболивающего. Не достает. Я могла бы ему помочь, но воздерживаюсь.

– Что ты сделал с телом моей сестры? С телами осталь-

ных?

Я жду. Ногти впиваются в ладони. Меня разрывает от ярости, хочу выплеснуть все на него, но он так слаб и неподвижен, не воспринимает ничего, и мой гнев отражают стены палаты.

– Я не хотел... правда...

Я жду.

Жду еще.

– Чего не хотел?

Тишина.

– Майк? – я наклоняюсь ближе, почти задевая кончик его носа. – Не хотел чего?

Его глаза недвижны. Он забылся.

За дверью слышались голоса. Выглядываю: спиной к двери стоит медсестра, разговаривает с молодым человеком. Я видела его в газетах – это Натан, сын Майка. Рядом женщина постарше, скорее всего, жена: седые волосы собраны в пучок у шеи. Оба внимательно смотрят на медсестру, меня пока не заметили.

Скоро войдут, надо торопиться.

Возвращаюсь, крепко сжимаю руку Майка. Он просыпается.

– Где их тела? Говори!

Из его уст выходит одно слово или слог:

– Мо-ор...

Может, я не расслышала?

– Мор?... – переспрашиваю я.

Он молчит. И тут я понимаю: море.

– Море? Ты бросил их в море?

– Не мог похоронить... лопаты не было... копать нечем.

Он снова тянется к пульту, на этот раз его пальцы находят кнопку. Нажимает. Доза обезболивающего идет по трубке в вену.

Тело больного обмякает.

– Жара... нельзя было оставлять. У нас не было выбора.

– У нас? – встрепенулась я. Сердце чеканит в ушах.

Он смотрит на меня: на долю секунды глаза расширяются, или мне показалось?

– Ты сказал: «У нас не было выбора».

– Нет. Ошибся... – тяжело дыша оправдывается он. Его веки начинают подрагивать.

Скрипнула металлом дверная ручка.

– Майк? Почему ты сказал «у нас»? – не унимаюсь я.

Его глаза закрываются, дыхание успокаивается. Он плывет в наркотическом потоке.

– Кто-то еще выжил в крушении? – мои ногти впиваются в пергамент его кожи. – Ответь!

Дверь распахивается, в комнату врывается шум из коридора. Поворачиваю голову: в дверном проеме Натан – видит, как я вцепилась в руку его отца.

– Что вы делаете? – недоумевает он.

Я наклоняюсь к лицу Майка:

– В катастрофе выжил не только ты, да?

Он еле заметно и бесконечно медленно двигает головой, не пойму – кивок это, или он глотает.

– Кто еще? – я прижала его плечи обеими руками. – Моя сестра?

Увы, Майк Брасс не шевелится, не отвечает. Подбегает сын, крепкими руками отрывает меня от пилота.

Пока меня силой выталкивают из комнаты, я оглядываюсь на Майка и умоляю:

– Скажи! Кто еще выбрался живым?

К сожалению, вопрос повисает в воздухе.

Глава 12

Тогда | ЛОРИ

Сколько она пролежала в забытии – неизвестно. Все поглотила темная горячая пустота. Мысли недвижны, есть только гудящий звон; жаркий воздух; тело сдавила какая-то тяжесть.

Сознание медленной рябью всплывает на поверхность.

К щеке прижат угол чего-то твердого.

Лори поморгала: приоткрылся только один глаз. Все вокруг накренилось. Слышен низкий, хриплый, заунывный вой.

Откуда звук?

Она сглотнула: привкус крови во рту.

Попробовала поднять голову: ужасная боль пронзила мозг. В ушах зазвенело, похоже на долгий выдох.

Пошевелила пальцами, искала, за что взяться. Снова моргнула и, преодолевая адскую боль, подняла голову. Вдоль потолка безвольно свисали кислородные маски. Шкафчики багажной полки были распахнуты. Повсюду валялись сумки и чемоданы. Откуда-то сзади полз дым.

Самолет. Я в салоне самолета...

Взгляд метнулся к иллюминатору: в стекло упирались густые ветки с толстыми листьями. Взгляд выхватил темную

зелень пальм вдалеке.

Мы разбились...

Вой не прекращался: отчаянный, душераздирающий.

Это крик... кричу я.

Лори слегка повернула голову: американская чета пристегнута к сиденьям, оба словно застыли. Голова мужчины свесилась вперед, подбородок уперся в неподвижную грудь. На щеке запекшаяся кровь, очки держатся на одном ухе.

Нет... не может быть...

Жена привалилась к нему: странный наклон шеи, рот открыт, глаза остановились, золотая цепочка прорезала плоть. Они мертвы.

К пересохшему горлу подкатила тошнота. Захотелось зажмуриться, утонуть в складках вечной темноты. Исчезнуть. Однако первобытный инстинкт приказывает выбираться. Быстро!

Дым.

Лори попробовала встать – ей мешал пристегнутый ремень. Повозившись непослушными пальцами с металлическим зажимом пряжки, его, наконец, удалось отстегнуть. Упершись руками в подлокотники, она снова попыталась встать: что-то держало ноги – их придавило спинкой впереди стоящего кресла. Вцепившись руками в сиденье, она толкнула его от себя.

Густой дым полз по полу из хвостовой части салона. Лори стало страшно, и она закричала:

– Помогите!

Изо всех сил стукнула ладонями по спинке придавившего ноги сиденья. Боль пронзила шею и плечи. Кресло немного отошло, Лори подтянула колени и вытащила ноги: в берцовую кость словно кол воткнули.

Голова закружилась, пол качнулся и накренился. Цепляясь за спинку сиденья, чтобы не упасть, Лори поглядела вниз на свои окровавленные ноги. Преодолевая мучительную боль, заковыляла по проходу.

На полу, скорчившись, лежала с открытыми глазами стюардесса: под головой растекалось жуткое пятно крови. Во рту пенилось и булькало, будто она дышала жидкостью.

– Все нормально... – беспомощно проговорила Лори, опускаясь на колени.

Ноги горели, из распоротой щеки во рту сочилась кровь. Лори чуть не вырвало, однако она поборол тошноту и вздохнула.

– Я вам помогу, – обратилась она к фиджийке.

Губы стюардессы зашевелились, как будто она пыталась говорить. В легких клокотало. В конце концов она еле слышно произнесла:

– Остановить его...

– Все будет хорошо. Я помогу, – Лори наклонилась ближе.

Дым сгущался. Нужно вытащить стюардессу наружу и побыстрее. Она посмотрела в сторону выхода: через открытую дверь проникал дневной свет...

Лицо стюардессы оживилось, она встретила взглядом с Лори, ухватила ее запястье и проговорила:

– Я... должна была его остановить.

Взявшаяся ниоткуда энергия также внезапно иссякла: женщина разжала руку, взгляд потух.

Глаза фиджийки остановились.

– Эй! Вы меня слышите? – Лори схватила женщину за ворот.

Ответа не последовало.

Судорожно сминая ткань блузки в ладонях, она потрясла фиджийку за плечи:

– Эй! Я вам помогу! Очнитесь же!

Ни звука.

Лори наклонила голову к лицу, послушала: бульканье прекратилось, грудь неподвижна.

Что делать? Что же делать?..

Велев себе успокоиться, Лори нащупала пульс на шее стюардессы. Ее собственное сердце билось так сильно, что она едва понимала, что происходит, не могла ни думать, ни считать. Одно не оставляло сомнений: женщина мертва.

И все же, сцепив пальцы, девушка начала нажимать на грудную клетку стюардессы ладонями.

Тридцать нажатий – правильно?

Она зажала женщине нос и закрыла ее рот своим.

Вдох-вдох.

Еще тридцать нажатий. Плечо горело, голова раскалыва-

лась.

Вдох-вдох.

Тридцать жестких и ритмичных надавливаний.

Вдох-вдох.

Вновь и вновь...

К металлическому привкусу крови добавился вкус помады с губ женщины.

«Идет дым, – не прекращая нажатий, отстраненно думала Лори. – Нужно выбираться», – мелькнула тревожная мысль где-то в закоулках сознания.

Послышался шорох: длинноволосый парень в шапке выбирался из своего кресла. Из раны на переносице текла струйка крови, пропадая в щетине на челюсти. Освободившись, он рванул в проход, перевел взгляд с Лори на мертвую стюардессу.

Раздался лязг: дверь кабины распахнулась, и в проеме появился пилот. Тонкие ручейки крови струились по вискам, напоминая трещины в черепе. Он пошатнулся и, пытаясь обрести равновесие, схватился за спинку сиденья, безумно глядя по сторонам.

Внимание Лори отвлек чей-то крик. Длинноволосый уже стоял в другом месте, в окровавленных руках – люлька.

– Сюда! Возьмите ребенка!

Ребенка? Ах да, тот малыш с переднего сиденья...

Лори прошла вперед и забрала переноску из рук парня.

Пожалуйста... Только не это.

Младенец лежал на спине. Синие глаза открыты и неподвижны.

Моргнул, перевел взгляд на Лори.

– Жив! – облегченно воскликнула она.

– Вытащите ребенка! – скомандовал пилот.

Отцепив от настенного крепления огнетушитель, он решительно двинулся в хвостовую часть салона, где продолжал сгущаться дым.

Превозмогая боль, Лори бросилась к выходу. У открытой двери она застыла, вдыхая волны тепла и аромат сырой земли. Растерянная, Лори уткнулась в стену густых деревьев: через темно-зеленый восковой полог сомкнутых крон струились лучи солнца.

Где мы?

Она обеими руками опустила люльку на землю. Выбравшись сама, подняла переноску и, стиснув зубы, побрела прочь от дымящегося самолета, наступая босыми ногами на сухую листву.

Воздух плавился от жары. Ноги подкосились, и Лори рухнула на землю рядом с переноской.

Зубы стучали друг о друга, окружающее виделось предельно ясно, до мельчайших подробностей: вот яркокрылая птица села на ветку и смотрит черными бусинами глаз; в зелени деревьев несуразно торчит металлическое тело самолета – лопасть турбины замедляется; нависают увитые лианами кроны.

– Где мы? – раздался голос позади Лори.

Она повернулась: согнувшись и уперев руки в колени, стоял Дэниел, из уголка рта тянулась дорожка слюны. Бледно-розовая рубашка поло была порвана у рукава и замазана грязью. Вытерев губы, он выпрямился.

– Не знаю... – Лори огляделась по сторонам.

Вокруг полумрак густых зарослей, через которые едва пробивалось солнце. Под ногами глубокие выбоины: похоже, самолет пронесся через джунгли, сплющив кустарник. Носовая часть уткнулась между двумя пригнувшимися деревьями, обнажая зеленовато-белые сердцевины сломанных ветвей. Левое крыло помято, кишки проводов взметнулись вверх.

Лори несколько раз моргнула, будто надеялась поменять вид на что-то менее сюрреалистичное.

Ребенок в люльке вскрикнул, и Лори инстинктивно потянулась к нему, взяла кроху на руки: как перышко. Молочно-гладкая кожа, крошечный носик, облако тонких светлых волос.

– Где его мать? Надо найти мать...

– Помогите! – крикнул выглянувший из самолета пилот: фуражка перекошена, лицо измазано сажей. – Эй, – указал он на Дэниела, – нам нужна ваша помощь!

Дэниел подчинился, исчезая в дымящем чреве самолета. Лори глядела на ребенка.

– Сейчас я тебя осмотрю, хорошо? – голос девушки звучал

неестественно.

В поисках порезов и неровностей она провела дрожащими пальцами по голове малыша, двинулась вниз по шее, крошечному изгибу плеч. Расстегнула белую хлопковую распашонку: сердце мальчика учащенно билось. Она потрогала подушечками пальцев грудь и животик, осторожно вытянула ручки, потом ножки.

Малыш спокойно, с любопытством наблюдал за процедурой, ничуть не сопротивляясь.

Казалось, ему уютно и не страшно в люльке. Лори вспомнила странный факт: во время автомобильных аварий наименее пострадавшими оказываются пассажиры, спавшие в момент столкновения, так как их тела расслаблены.

«Малыш не пострадал», – повторяла она про себя, как мантру, пытаясь успокоиться. Осторожно вернула его в люльку, но, как только убрала руки, ротик младенца жалобно скривился, и ребенок заплакал.

– Ой, – растерялась Лори.

Личико малыша покраснелось, он плакал и кричал, пока она не взяла его снова. Стиснув зубы, девушка поднялась на ноги – как же больно! – и крепко прижала мальчика к себе.

– Тише, тише, маленький!

В дверях самолета появился пилот: он держал под мышки мать ребенка. За ним следом, придерживая ее за лодыжки и стараясь не смотреть на свою ношу, шел бледный Дэниел. Голова женщины откинулась назад, янтарные волосы каса-

лись земли, белки глаз устремились в небо, на лице – темное пятно крови.

– Что с ней? – спросила Лори.

– Умерла, – пилот покачал головой.

Только не это!

Лори крепче сжала ребенка, отвернув от страшного зрелища. Перекрывая скорбный плач младенца, она запела извлеченную из глубин памяти колыбельную. Она пела тонким, дрожащим голосом, на припеве начала двигаться: несколько шагов вперед, затем назад, в такт мелодии.

Постепенно малыш обмяк у нее на руках. Она продолжала напевать, не останавливаясь, и все это время мужчины входили и выходили, вынося мертвых из самолета.

Глава 13

Тогда | ЛОРИ

Самолет медленно горел в духоте джунглей.

На руках у Лори спал младенец, а позади, плечом к плечу, лежали на земле тела четверых мертвецов.

«Наш самолет разбился. Разбился», – вертелись в голове тревожные мысли, словно ее тело взболтали с огромной силой, и думы разлетелись в беспорядке, как дождевые капли.

Погруженная в размышления, Лори ощутила что-то теплое и с удивлением обнаружила, что держит младенца: тот дышал ей в шею.

Сонни – так называла его мать. Лори нестерпимо захотелось кому-то передать ребенка. Но кому?

Жажда вцепилась в горло. Пошевелив языком, Лори ощутила распухшую слизистую с внутренней стороны щек. Нужно попить. Ее бутылка с водой осталась в салоне, но обратно в дымящий самолет она не пойдет.

Дэниел поднял свой мобильный и прищурился, вглядываясь в экран.

– Сигнала нет! Ни одного гребаного деления!

Не спуская глаз с телефона, он начал расхаживать по земле прямо в носках: хлопчатобумажных в бледно-голубую и оранжевую полосу, сужающуюся к лодыжке.

«В одних носках – по земле», – Лори стала думать только об этом. Пока он расхаживал, она смотрела, как сухие листья цепляются за хлопчатобумажный трикотаж, а на пятках остается отпечаток грязи.

– Эй! – обратился он к Лори. – Вы не смотрели на своем?

Телефон. Где телефон? Она стала вспоминать, что с ним связано что-то очень важное... Она нажимала кнопки. Кому-то звонила... Эрин! Нужно поговорить с ней, рассказать, что случилось.

Из кабины, выкинув руки вперед, вывалился пилот: под фуражкой отвратительная рана, кровь капает на белый воротник униформы.

– Что с вами? – окликнула его Лори. – На голове...

Он коснулся пальцами раны, удивленно вытаращился на обагрившую их кровь и вытер о мундир. Нашивку на груди жутко перечеркнули красные полосы.

«Капитан Майк Брасс», – прищурившись, прочитала Лори.

– Что вообще произошло? – набросился на него Дэниел.

– Топливная... система вышла из строя... Не знаю...

– А где мы? – спросил подошедший сзади темноволосый парень.

– Посадка была аварийная... рядом нет посадочных полос... был только этот остров.

«Мы на острове», – отметила для себя Лори.

– Я потерял управление, – оправдывался Майк, качая го-

ловой. – Попытался замедлить падение... протаранил лесную полосу...

– Уже вызвали помощь по радиации? – перебил его Дэниел. – К нам летят спасатели?

– Консоль управления повреждена. Ничего не работает.

– Ничего? – взвизгнул Дэниел. – Но у вас должен быть спутниковый телефон, так ведь?

– В самолеты такого размера их не ставят.

Дэниел схватился было за голову и тут же скорчился от боли, опустил руки и попытался размять левое плечо.

– Должен же быть какой-то радар или навигатор, который выдает наше местоположение?

Слова, слова... Лори смотрела на спящего у нее на руках ребенка: «Что мне с тобой делать?»

Майк что-то объяснял о первичной и вторичной радиолокации:

– Это работает, будь мы в пределах видимости, но самолет пропадает с радаров, когда он ниже горизонта.

У Лори внутри похолодело.

– И что с нами теперь будет?

Майк повернулся, словно увидел ее впервые.

– Нас начнут искать.

– Начнут? – зло рассмеялся Дэниел. – Только начнут? – Он потрянул головой, и смех перешел в рычание: – Ты разбил чертов самолет и теперь говоришь, что нельзя позвать на помощь? Радио нет, спутникового телефона нет! – Он повер-

нулся к Лори и длинноволосому парню. – Вы слышали этот бред?

Он снова вытащил телефон и уставился в экран.

– Я не собираюсь сидеть и ждать, пока нас найдут. На острове должен быть сигнал. Может, тут даже есть люди. Пойду осмотрюсь.

– Мы прилетели оттуда, – сказал длинноволосый, указывая в направлении оставленного самолетом следа из поваленных кустов и врытых в землю колес.

С ребенком на руках, осторожно ставя босые ступни между корнями деревьев и сухими ветками, Лори побрела за остальными к краю джунглей.

Оставив позади лесные заросли, они вышли на белый, залитый солнцем коралловый пляж. Лори прикрыла голову Сонни от палящих лучей. Ноги утопали в раскаленном песке. Ни ветерка – только пульсирующее жаром солнце над головой. Нестерпимая жажда накрыла их с новой силой, пока они брели вперед по усыпанному высохшей шелухой кокосов и давно отмершими пальмовыми листьями песку.

Компания вышла к берегу. На них равнодушно взирала лазурная, кристально чистая вода океана. Окровавленные, истерзанные люди своим появлением грубо нарушали гармонию первозданной красоты.

В полукилометре виднелась мелкая бухта, окаймленная изогнутым коралловым рифом, который, похоже, окружал остров. Там океанские воды переходили в темно-синий цвет,

разбавленный белыми барашками пены от разбивающихся волн.

Слева пляж заканчивался скоплением огромных серых валунов, вереницей уходящих по воде. Справа песок тянулся, пока его не перерезал густой мангровый лес.

Лори повернулась и оглядела гущу леса в середине острова: ни клочка суши без деревьев – ни дорог, ни зданий, ни малейших признаков жилья. Безмятежный рай с открытки и воткнутый в картинку дымящийся самолет.

– Мы в чертовой пустыне... – прошептал Дэниел.

– Скоро они нас найдут? – спросила Лори у Майка. – Ребенку нужно молоко. Да и нельзя ему на такой жаре.

– Неизвестно... – щурясь на солнце, ответил пилот.

– Разве по траектории полета они не видели, где самолет пошел вниз? – высказал предположение Дэниел.

На челюсти Майка заиграли желваки.

– Чтобы облететь грозовой фронт, пришлось отклониться от курса, и довольно далеко. – Он умолк. – Скорее всего, они не ожидают, что мы в этом районе.

– Что?! – взвился Дэниел. – То есть никто понятия не имеет, где мы?

Лори вспомнила, как разглядывала карту Фиджи еще в Лондоне, в квартире Эрин. Архипелаг усеян тысячами островков, более трехсот из которых – необитаемы. Юго-восточная часть, куда они направлялись, отдалена от матери-

кового острова и почти безлюдна.

Майк присел на корточки, протянул дрожащую руку и начал рисовать на песке.

Очертил материк, отметил точку вылета, условно изобразил цепь островов.

– Мы летели сюда, – он поставил крестик. – Вот траектория полета, по которой мы должны были пройти. Последний выход на связь с авиадиспетчером – где-то здесь, – он поставил точку примерно в третьей части пути. – Грозовой фронт шел с запада, я попытался изменить маршрут. – Он на мгновение задумался. Затем наклонился вперед и продолжил: – Думаю, мы опустились где-то тут.

Остальные сгрудились, заслонив песочную карту тенью. Лори ощутила запах рвоты и дыма.

– Значит, нас начнут искать от места, где вы последний раз вышли на связь? – уточнил длинноволосый парень.

– Да.

– То есть... – сказал он, медленно шагая вдоль карты, – область поиска – не меньше ста километров.

Лори стало дурно от этой новости.

Я не выдержу.

Прижав ребенка крепче к себе, она зажмурилась, представив, что вот сейчас зашумят лопасти вертолета или послышится пронзительный рев двигателей спасательного самолета. Ей хотелось увидеть мчащуюся по заливу спасательную шлюпку. Увы, когда она открыла глаза, перед ней ока-

зались лишь окровавленные, испуганные лица незнакомцев
на фоне пустых синих вод океана.

Глава 14

Теперь | ЭРИН

Упираюсь, кричу; сын Майка Брасса выводит меня из палаты, схватив за плечи. Я вырываюсь, иду сама, он следом.

– Да кто вы такая?

«У нас не было выбора», – с каждым шагом все громче раздаются слова пилота в моей голове.

У нас... Кто эти «мы»?

В катастрофе выжили другие люди. Не только Майк.

Но кто? Кто еще?

Ускоряю шаг. Тяжело топая, мой сопровождающий спешит за мной.

– Эй, ты! Стой!

Перехожу на бег: шлепанцы хлопают о пятки, уворачиваюсь, чтобы не сбить какого-то посетителя. На воздух, прочь из больничной духоты! Поворот налево, толкаю тяжелые двери на лестничную клетку. Спустившись до первого этажа, толкаю ладонями дверь наружу, ныряю в поток солнечного света.

Воздух теплый, влажный, но свежий.

Дышу.

Два года никаких новостей. Ничего.

И вдруг пилот – живой, видела своими глазами.

Он что-то знает. Знает.

Слышу позади стук ботинок.

– Эй!

Поворачиваюсь – парень догнал меня: плечистый, шорты цвета хаки и рабочие ботинки.

– Какого черта? – у парня австралийский акцент. – Кто ты? – требует он ответа, глядя мне в глаза.

Расправляю плечи, поднимаю подбородок.

– Эрин Холм. Моя сестра летела на борту самолета, который разбил твой отец.

Парень сбит с толку.

– И что ты здесь делаешь?

– У меня есть вопросы.

Я смотрю на парня. Мне кое-что о нем известно: он плакал, когда его старшая сестра уехала из дома; играл в регби за национальную сборную, пока не получил травму плеча; не разговаривал с отцом восемнадцать месяцев после смерти сестры. Женился в двадцать три года и развелся в двадцать пять. Живет в Перте, в двадцати минутах от дома матери. Работает на верфи.

– Мой отец умирает, – говорит он как о чем-то обыденном.

– Вот почему я должна поговорить с ним лично. Я не куплюсь на какую-то дерьмовую расшифровку, состряпанную властями. Мне нужна правда! – Адреналин взбудоражил во мне поток неукротимой ярости. Я готова дать отпор, если

надо, даже учитывая, что парень на голову выше. – Мне нужно знать, почему с тех пор, как Лори села в этот самолет, ее никто не видел. И как это твой отец, черт возьми, еще жив. Почему он не сдался полиции? Я спросила его, где этот остров и что случилось, а он отказался говорить. Признался, что бросил трупы пассажиров в море, и сказал: «У нас не было выбора». «У нас», не «у меня».

Смутившись, Натан чуть отступил назад и уставился на меня.

– Он всем лжет, – заканчиваю я.

Мы оба молчим. Затем Натан говорит:

– Я знаю.

Надо же, я думала, парень будет отпираться.

– Почему? Что он скрывает?

– Думаешь, я знаю? Он подстроил так, чтобы я считал его мертвым. Мы по нему поминки справили, скорбели. Мама начала пить: по бутылке вина каждый вечер, полгода после падения самолета. Журналисты караулили за дверью. Она потеряла работу. Переехала ко мне. И только все начало налаживаться – звонят из полиции, говорят, отец жив. Все время жил на Фиджи. Мы снова приехали сюда, остановились в каком-то отеле, и чертовы журналисты тут как тут – дежурят под дверью.

– Вы правда не знали, что он жив?

– Конечно, не знали! – возмутился Натан.

Мы стоим молча под палящим солнцем, мимо бредет,

шаркая тапочками, какой-то пациент. В ослепительной синеве неба белеет самолет.

– Ему не следовало лететь в тот день, – говорю я, чеканя каждое слово.

Натан внимательно на меня смотрит.

– Это еще что значит?

– Ничего, – осекаюсь я.

Он все еще смотрит на меня.

– Ты о чем?

Молчу.

– Он ведь был очень хорошим пилотом. Все полеты – без нареканий. Летал по всему миру. – На краткий миг представляю Натана мальчишкой, сидящим в кабине с радостным выражением лица, пока отец демонстрирует циферблаты и переключатели.

– Пилот он, может, и хороший. Но только не в тот день.

– Наверное, самолет дал сбой, – неуверенно говорит Натан.

– Тогда зачем было два года прятаться на Фиджи? Почему он не вернулся к семье? – Я умолкаю на мгновение. – Знаешь, когда люди так поступают?

Он смотрит на меня, сузив глаза.

– Когда виноваты.

Тяжелая фраза повисла между нами, как занесенный меч.

– Натан? – окликает кто-то сзади.

В нескольких метрах от нас жена Майка: тонкие, сухие

руки сцеплены в замок, во взгляде вопрос и недоумение.

– Нас доктор ждет, хочет поговорить.

Парень кивает.

Они уходят, он оглядывается, будто хочет сказать что-то еще. Но тут же идет дальше, и оба заходят в здание хосписа.

Я смотрю, как раскачивается впустившая их дверь.

У нас не было выбора.

Слова крутятся в голове. Представляю, как выбираются из-под обломков самолета пилот и пассажиры.

В рассказе Майка многое не сходится. Я знаю – он лжет. Но почему?

Глава 15

Тогда | ЛОРИ

Лори заставила себя войти в самолет. Заглянула в салон: горло сдавило от ужаса. С потолка безжизненно свисали кислородные маски, пахло гарью. В хвостовой части чернели обугленные стены, блестело влажное месиво пены огнетушителя.

Ее волнение передалось младенцу, тот заерзал на руках. Она попробовала взять его по-другому, успокоить – и шею тут же пронзила боль.

Его нужно покормить.

Она видела, как мать малыша разводила смесь в бутылочке. Наверняка, у нее был запас.

Пошатываясь, Лори побрела по проходу. При виде зажатого сиденьем темно-синего ботинка к горлу подкатила тошнота. Почему-то это зрелище взбудоражило ее больше, чем пятна крови на полу и сиденьях.

Под ногой что-то хрустнуло: ее мобильный – экран пошел сетью трещин.

Она неловко наклонилась, подняла телефон и нажала кнопку включения: ничего.

Пробовала еще раз; экран оставался безжизненным.

Отбросив телефон, Лори двинулась дальше.

Багажные шкафчики зияли пустотой распахнутых полок: чемоданы и сумки разлетелись по всему самолету. Лори за- метила между сиденьями свою коричневую сумку на колесах, но сейчас ее интересовало только детское питание. Кое-как опустившись на колени, она заглянула под сиденье: есть! – влагонепроницаемая сумка с цветочным принтом и многочисленными карманами. Изловчившись, одной рукой расстегнула основное отделение: подгузники, запасные распашонки, коврик для пеленания, слинг – смеси нет, лишь пустая бутылочка с остатками молока.

Ах ты, черт!

Сонни уже не просто плакал, он настойчиво кричал.

Лори поспешила к выходу. Дэниел вытаскивал основной багаж и относил к деревьям. На розовой рубашке проступил пот, она немного задралась на пояснице, обнажив покрытую темными волосами бледную спину.

– Мне нужен чемодан матери! – крикнула она. – Сонни хочет молока.

Дэниел потянул к себе дешевый фиолетовый чемоданчик.

– Этот?

Придерживая младенца, Лори с трудом выбралась из самолета. Разгоряченный ее объятиями, малыш взмок и покраснел.

– Все хорошо, маленький, – приговаривала она, расстегивая кнопки на распашонке, чтобы тот немного остыл.

Вокруг порезов на ногах Лори вилась муха.

Дэниел расстегнул молнию на чемодане: сложенные стопками белые рубашечки и чепчики с полями. Лори представила, как мать любовно сворачивала каждую кофточку, и чуть не расплакалась.

«Не время раскисать», – приказала она себе.

Дэниел извлек из чемодана банку со смесью.

– Слава богу! – воскликнула Лори, покачивая младенца. – Приготовьте бутылочку.

– Я?

– Прочитайте с обратной стороны, там должны быть пропорции. – Лори приходилось видеть, как ее друзья разводили смесь для детей. Только вот какую воду они добавляли: кипяченую, теплую?

Вытерев пот со лба, Дэниел принялся изучать инструкцию.

– Сколько ему? – спросил он, заглушая детский крик.

– Четыре месяца, – ответила Лори, вспомнив, как тот же вопрос задавала матери стюардесса. – Скоро, милый, потерпи, – утешала она младенца: тот уже заталкивал в рот кулачки.

Нахмурившись, Дэниел, наконец, не выдержал:

– Ты не можешь его заткнуть? Я ничего не соображаю!

Лори вздрогнула.

– Пусть Феликс сделает, – Дэниел сунул банку со смесью длинноволосому парню. Тот выносил из самолета провиант: чипсы, бутылки с водой, сок, шоколад и орехи. Дэниел вновь

принялся вытаскивать чемоданы.

Феликс обратился к Лори:

– Что нужно делать?

Она попросила взять бутылку с негазированной водой и налить в бутылочку со смесью. Парень старательно зачерпнул смесь, неловко просыпав часть на землю, добавил воду.

– Теперь надень соску на горлышко, – попросила Лори.

Повозившись, Феликс справился с кольцом-закрепителем и протянул готовую бутылочку. Беспорядочно размахивая кулачками, Сонни тут же ее схватил и отшвырнул.

– Да что ж такое! – крикнула в отчаянии Лори. Бутылка подкатилась к ее ногам, молоко закапало на влажную землю, на соску налипла грязь. Лори попыталась дотянуться до бутылки, но скользкий как рыбка Сонни брыкался, и ей пришлось прижать его обеими руками, чтобы не выронить.

Феликс поднял бутылочку, промыл соску остатками воды: не идеально, но сойдет. Вновь отдал смесь Лори.

На этот раз она предупредила движения младенца и, поймав беспокойную ручку, аккуратно поднесла соску к губам.

Сонни широко открыл рот, розовые десны сжались на силиконовой соске, плач тут же прекратился. Он начал яростно сосать: глаза широко открыты, слышалось неровное глотание.

– Потише, маленький, не торопись так.

Через пару минут ритм сосания замедлился, и Лори облегченно расправила плечи, осмотрелась: за ней наблюдал

Феликс.

– Сама-то попила? – спросил он.

Она покачала головой.

Парень подошел к груде припасов, вытащил большую бутылку воды и поставил у ее ног:

– Не забывай пить.

– Спасибо.

Он кивнул.

– Скоро наша вода кончится... Надо поискать на острове.

Майк разложил на земле остатки оранжевого спасательного плота: одна секция полностью выгорела. Он вытер пот с верхней губы, мрачно глядя на оплавленную пластмассу.

– Его уже нельзя использовать? – спросил, уперев руки в бедра, Дэниел. Он склонился над серебристым чемоданом, из которого выглядывали совершенно бесполезные в джунглях отутюженные рубашки.

– Нельзя, – подтвердил Майк. – Зато уцелел тревожный чемоданчик. У нас две сигнальные ракеты, аптечка, таблетки для опреснения воды, зажигалка и веревка.

– А спутникового телефона там нет? – поинтересовался Дэниел.

Майк промолчал. Привстал на одно колено – его лицо исказила гримаса боли. С трудом выпрямился. Лори только сейчас заметила возрастные пятна на его покрасневшей от солнца коже.

Малыш на руках успокоился и притих, его дыхание вы-

ровнялось. Лори с любопытством разглядывала крошечные пальчики с аккуратно подстриженными ноготками, которыми он вцепился в бутылочку. Мягкий пушок светлых волос слегка вытерся на затылке от постоянного лежания. Веки младенца начали закрываться, он выпустил бутылочку изо рта.

Выпил примерно половину. Хорошо это или плохо? Лори понятия не имела, сколько раз в день должен есть ребенок такого возраста и как часто его надо кормить.

Припекало даже в тени, кожа стала липкой от пота. Шумел, перекатываясь волнами, океан.

Дэниел стоял на коленях перед открытыми чемоданами и сумками, сосредоточенно вертя что-то в руке. Блеснул серебром смертоносный край, лязгнул металл – из черных ножен появилось острое лезвие огромного зазубренного с одной стороны ножа.

– Где ты это взял? – спросил Майк.

– Нашел в чьей-то сумке, – Дэниел повернул нож, изучая двойной край лезвия.

Лори стало не по себе: зачем кому-то из гостей понадобился нож? Они же летели на цивилизованный курортный остров, где все к услугам отдыхающих. Сама Лори запаслась летними платьями, босоножками, книгами и купальниками.

С какой стати нож?

– А больше ничего не нашел? – подойдя ближе, спросил Майк.

– Бинокль и вот это, – ответил Дэниел, вытаскивая что-то похожее на металлическое копьё, прикрепленное черной эластичной петлей к гарпуну.

– Похоже на подводное ружье. И ласты есть.

Внезапно до Лори дошло: весь багаж обыскивали. Вещи валялись на земле, у ног Дэниела стопкой лежали паспорта. Лори увидела свою коричневую сумку: молния расстегнута, в ней основательно покопались. Светлая кружевная бретелька одного из бюстгалтеров свисала с края, рядом валялся ворох черных тонких трусиков. Лори на миг представила, как Дэниел шарит в ее нижнем белье.

Зачем она вообще взяла кружевное белье в отпуск с сестрой? Да еще на маникюр сходила, выбрав неоновро-розовый лак: вполне подходящий для тропического отдыха в середине зимы и так нелепо выглядящий сейчас! До неприличия. Ради кого это кружевное белье? Ради кого маникюр и дорогие аксессуары? Уж точно не ради Пита – с ним покончено. Может, чтобы поднять настроение, будто от слоя лака на ногтях она почувствует себя лучше?

Только не плакать! Не здесь. Пит точно того не стоит! Разрозненные мысли скользили, менялись и вернули Лори в тот далекий день...

...Шли майские каникулы. Лори сидела дома, разбирая шкафчик с художественными принадлежностями. На кухонном столе в беспорядке лежали подсохшие тюбики с красками и затвердевшие кисти – она решала, что оставить, а что

выбросить. Открылась входная дверь, Лори взглянула на кухонные часы: полдень. Странно, Пит не говорил, что вернется к обеду.

Когда он вошел на кухню – бледный, с широко раскрытыми глазами и опущенными уголками рта, – первое, что подумала Лори: «У него рак».

Однако он смотрел вниз, куда-то на мысок ботинка, и с волнением произнес: «Лори, прости, не думал, что придется такое говорить». Он нервно сглотнул, поднял голову, заглянул ей прямо в глаза. «Я... Я от тебя ухожу».

Слова шибанули в грудь, словно Лори врезалась в каменную стену.

«Что?»

«Прости, я ухожу», – повторил он невнятно, будто губы онемели.

Потрясенная, Лори навалилась на стол.

«Почему?» – растерянно спросила она.

«У меня роман».

«Как? С кем?»

Он отвел взгляд. Наклонил голову.

«Я знаю ее, да?» – Лори вцепилась пальцами в край кухонного стола, под ногтями побелело.

Он кивнул, будто они играли в какую-то извращенную «Угадайку».

«Только не кто-то из моих подруг, только не это...» – умоляюще проговорила она.

«Зоуи».

Лори словно обухом ударили: она осела на кухонный стул, живот скрутило в тугой узел.

Зоуи вела уроки физкультуры в школе, где Лори возглавляла художественное отделение. К работе Зоуи приступила в прошлом учебном году, переехав из Бирмингема с парнем, с которым рассталась в первое же полугодие. Миниатюрная, упругое тело, тонкие лодыжки, коленки в синяках. Полная противоположность пышногрудой Лори, обтекаемые формы которой Пит, по его словам, обожал. Сам всегда говорил: есть за что подержаться.

«Уходи», – приказала она, ожидая, что он повернется и выйдет из комнаты.

Однако Пит не уходил.

«Это еще не все. Зоуи беременна. На четвертом месяце. Ребенок мой».

Лори покачнулась и шагнула вперед.

«Прости, Лори, я виноват. Знаю, после всего, через что мы с тобой прошли... хуже и быть не может. У нас с ней вышло случайно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.